

Шестое чувство. Николай Степанович Гумилев

«Я конквистадор в панцире железном...»

Я конквистадор в панцире железном, Я весело преследую звезду, Я прохожу по пропастям и безднам

И отдыхаю в радостном саду.

Как смутно в небе диком и беззвездном!

Растет туман... но я молчу и жду, И верю, я любовь свою найду...

Я конквистадор в панцире железном.

И если нет полдневных слов звездам, Тогда я сам мечту мою создам

И песней битв любовно зачарую.

Я пропастям и бурям вечный брат, Но я вплету в воинственный наряд

Звезду долин, лилею голубую.

Credo

Откуда я пришел – не знаю...

Не знаю я, куда уйду,

Когда победно отблистаю

В моем сверкающем саду.

Когда исполнюсь красотой, Когда наскучу лаской роз, Когда запросится к покою

Душа, усталая от грез.

Но я живу, как пляска теней

В предсмертный час больного дня.

Я полон тайною мгновений

И красной чарою огня.

Мне все открыто в этом мире —И ночи тень, и солнца свет, И в торжествующем эфире

Мерцанье ласковых планет.

Я не ищу больного знанья

Зачем, откуда я иду.

Я знаю, было там сверканье

Звезды, лобзающей звезду.

Я знаю, там звенело пенье

Перед престолом красоты, Когда сплетались, как виденья, Святые белые цветы.

И жарким сердцем веря чуду, Поняв воздушный небосклон, В каких пределах я ни буду, На все наброшу я свой сон.

Всегда живой, всегда могучий, Влюбленный в чары красоты.

И вспыхнет радуга созвучий

Нам царством вечной пустоты.

Высоты и бездны

Кто знает мрак души людской, Ее восторги и печали?!

Они эмалью голубой

От нас сокрытые скрижали.

Н. Гумилев

«Когда из темной бездны жизни...»

Когда из темной бездны жизни

Мой гордый дух летел, прозрев, Звучал на похоронной тризне

Печально-сладостный напев.

И в звуках этого напева, На мраморный склоняясь гроб, Лобзали горестные девы

Мои уста и бледный лоб.

И я из светлого эфира,

Припомнив радости свои, Опять вернулся в грани мира

На зов тоскующей любви.

И я раскинулся цветами, Прозрачным блеском звонких струй, Чтоб ароматными устами

Земным вернуть их поцелуй.

Людям настоящего

Для чего мы не означим

Наших дум горячей дрожью, Наполняем воздух плачем, Снами, смешанными с ложью.

Для того ль, чтоб бесполезно, Без блаженства, без печали

Между Временем и Бездной

Начертить свои спирали.

Для того ли, чтоб во мраке, Полном снов и избылья, Бросить тягостные знаки

Утомленья и бессилья.

И когда сойдутся в храме

Сонмы радостных видений, Быть тяжелыми камнями

Для грядущих поколений.

Людям будущего

Издавна люди уважали

Одно старинное звено,

На их написано скрижали: Любовь и Жизнь – одно.

Но вы не люди, вы живете, Стрелой мечты вонзаясь в твердь, Вы слейте в радостном полете

Любовь и Смерть.

Издавна люди говорили,

Что все они рабы земли

И что они, созданыя пыли, Родились и умрут в пыли.

Но ваша светлая беспечность

Зажглась безумным пеньем лир, Невестой вашей будет Вечность, А храмом — мир.

Все люди верили глубоко, Что надо жить, любить шутя, И что жена, дитя порока, Стократ нечистое дитя.

Но вам бегущие годы

Несли иной нездешний звук, И вы возьмете на Вершины

Своих подруг.

Пророки

И ныне есть еще пророки, Хотя упали алтари,

Их очи ясны и глубоки

Грядущим пламенем зари.

Но им так чужд призыв победный, Их давит власть бездонных слов, Они запуганы и бледны

В громадах каменных домов.

И иногда, в печали бурной, Пророк, не признанный у нас, Подъемлет к небу взор лазурный

Своих лучистых, ясных глаз.

Он говорит, что он безумный, Но что душа его свята,

Что он, в печали многодумной, Увидел светлый лик Христа.

Мечты господни многооки, Рука дающего щедра,

И есть еще, как он, пророки — Святые рыцари добра.

Он говорит, что мир не страшен, Что он зари грядущей князь...

Но только духи темных башен

Те речи слушают, смеясь.

Русалка

На русалке горит ожерелье, И рубины греховно-красны, Это странно-печальные сны

Мирового, больного похмеля.

На русалке горит ожерелье, И рубины греховно-красны.

У русалки мерцающий взгляд, Умирующий взгляд полуночи, Он блестит то длинней, то короче, Когда ветры морские кричат.

У русалки чарующий взгляд, У русалки печальные очи.

Я люблю ее, деву-ундину, Озаренную тайной ночной, Я люблю ее взгляд заревой

И горящие негой рубины...

Потому что я сам из пучины, Из бездонной пучины морской.

На мотивы Грига

Кричит победно морская птица

Над вольной зыбью волны фиорда, К каким пределам она стремится?

О чем ликует она так гордо?

Холодный ветер, седая сага

Так властно смотрят из звонкой песни, И в лунной грезе морская влага

Еще прозрачней, еще чудесней.

Родятся замки из грезы лунной, В высоких замках тоскуют девы, Златые арфы так многострунны, И так маняще звучат напевы.

Но дальше песня меня уносит, Я всей Вселенной увижу звенья, Мое стремленье иного просит, Иных жемчужин, иных каменьев.
Я вижу праздник веселый, шумный, В густых дубравах ликует эхо, И ты проходишь мечтой бездумной, Звеня восторгом, пылая смехом.
А на высотах, столь совершенных, Где чистых лилий сверкают слезы, Я вижу страстных среди блаженных, На горном снеге алеют розы.
И где-то светит мне образ бледный, Всегда печальный, всегда безмолвный...
...Но только чайка кричит победно, И гордо плещут седые волны.

Осень

По узкой тропинке

Я шел, упоенный мечтою своей, И в каждой былинке

Горело сияние чьих-то очей.

Сплетались травы,

И медленно пели и млели цветы, Дыханьем отравы

Зеленой, осенней светло залиты.

И в счастье обмана

Последних холодных и властных лучей

Звенел хохот Пана,

И слышался говор нездешних речей.

И девы-дриады,

С кристаллами слез о лазурной весне, Вкусили отраду,

Забывшись в осеннем, божественном сне.

Я знаю измену.

Сегодня я Пана ликующий брат, А завтра одену

Из снежных цветов прихотливый наряд.

И грусть ледяная

Расскажет утихшим волненьем в крови

О счастье без рая,

Глазах без улыбки и снах без любви.

«Иногда я бываю печален...»

Иногда я бываю печален, Я забытый, покинутый бог, Созидающий в груди развалин

Старых храмов грядущий чертог.

Трудно храмы воздвигнуть из пепла, И бескровные шепчут уста, Не навек ли сгорела, ослепла

Вековая, Святая Мечта.

И тогда надо мною, неясно, Где-то там, в высоте голубой, Чей-то голос порывисто-страстный

Говорит о борьбе мировой.

«Брат усталый и бледный, трудися!

Принеси себя в жертву земле, Если хочешь, чтоб горные выси

Загорелись в полуночной мгле.

Если хочешь ты яркие дали

Развернуть пред больными людьми, Дни безмолвной и жгучей печали

В свое мощное сердце возьми.

Жертвой будь голубой, предрассветной...

В темных безднах беззвучно сгори...

...И ты будешь звездой обетной, Возвещающей близость зари».

«По стенам опустевшего дома...»

По стенам опустевшего дома

Пробегают холодные тени, И рыдают бессильные гномы

В тишине своих новых владений.

По стенам, по столам, по буфетам, Все могли бы их видеть воочью, Их, оставленных ласковым светом, Окруженных безрадостной ночью.

Их больные и слабые тельца

Трепетали в тоске и истоме

С той поры, как не стало владельца

В этом прежде смеявшемся доме.

Сумрак комнат покинутых душен, Тишина с каждым мигом печальней, Их владелец был ими ж задушен

В темноте готической спальни.

Унесли погребальные свечи, Отшумели прощальные тризны, И остались лишь смутные речи

Да рыданья, полны укоризны.

По стенам опустевшего дома

Пробегают холодные тени, И рыдают бессильные гномы

В тишине своих новых владений.

Сонет

Как конквистадор в панцире железном, Я вышел в путь и весело иду, То отдыхая в радостном саду, То наклоняясь к пропастям и безднам.

Порою в небе смутном и беззвездном

Растет туман... но я смеюсь и жду, И верю, как всегда, в мою звезду, Я, конквистадор в панцире железном.

И если в этом мире не дано

Нам расковать последнее звено, Пусть смерть приходит, я зову любую!

Я с нею буду биться до конца

И, может быть, рукою мертвеца

Я лилию добуду голубую.

Крест

Так долго лгала мне за картою карта, Что я уж не мог опьяниться вином.

Холодные звезды тревожного марта

Бледнели одна за другой за окном.

В холодном безумьи, в тревожном азарте

Я чувствовал, будто игра эта – сон.

«Весь банк, – закричал, – покрываю

я в карте!»

И карта убита, и я побежден.

Я вышел на воздух. Рассветные тени

Бродили так нежно по нежным снегам.

Не помню я сам, как я пал на колени, Мой крест золотой прижимая к губам.

– Стать вольным и чистым, как звездное

небо,

Твой посох принять, о сестра Ницета, Бродить по дорогам, выпрашивать хлеба, Людей заклиная святыней креста! —Мгновенье... и в зале веселой и шумной

Все стихли и встали испуганно с мест, Когда я вошел, воспаленный, безумный, И молча на карту поставил мой крест.

Выбор

Созидающий башню сорвется, Будет страшен стремительный лёт, И на дне мирового колодца

Он безумье свое проклянет.

Разрушающий будет раздавлен, Опрокинут обломками плит, И, всевидящим богом оставлен, Он о муке своей возопит.

А ушедший в ночные пещеры

Или к заводям тихой реки

Повстречает свирепой пантеры

Наводящие ужас зрачки.

Не спасешься от доли кровавой, Что земным предназначила твердь.

Но молчи: несравненное право —Самому выбирать свою смерть.

Умный дьявол

Мой старый друг, мой верный дьявол, Пропел мне песенку одну: – Всю ночь моряк в пучине плавал, А на заре пошел ко дну.

Кругом вставали волны-стены, Спадали, вспенивались вновь, Пред ним неслась, белее пены, Его великая любовь.

Он слышал зов, когда он плавал: «О, верь мне, я не обману»...

– Но помни, – молвил умный дьявол, —Он на заре пошел ко дну.

Перчатка

На руке моей перчатка,

И ее я не сниму,

Под перчаткою загадка,

О которой вспомнить сладко

И которая уводит мысль во тьму.

На руке прикосновение

Тонких пальцев милых рук, И как слух мой помнит пенье, Так хранит их впечатленье

Эластичная перчатка, верный друг.

Есть у каждого загадка, Уводящая во тьму,

У меня – моя перчатка,

И о ней мне вспомнить сладко, И ее до новой встречи не сниму.

Заклинание

Юный маг в пурпуровом хитоне

Говорил нездешние слова, Перед ней, царицей беззаконий, Расточал рубины волшебства.

Аромат сжигаемых растений

Открывал пространства без границ, Где носились сумрачные тени, То на рыб похожи, то на птиц.

Плакали невидимые струны, Огненные плавали столбы, Гордые военные трибуны

Опускали взоры, как рабы.

А царица, тайное тревожа, Мировой играла крутизной, И ее атласистая кожа

Опьяняла снежной белизной.

Отданный во власть ее причуде, Юный маг забыл про все вокруг, Он смотрел на маленькие груди, На браслеты вытянутых рук.

Юный маг в пурпуровом хитоне

Говорил, как мертвый, не дыша, Отдал все царице беззаконий, Чем была жива его душа.

А когда на изумрудах Нила

Месяц закачался и поблек, Бледная царица уронила

Для него алеющий цветок.

Корабль

– Что ты видишь во взоре моем, В этом бледно-мерцающем взоре?

– Я в нем вижу глубокое море

С потонувшим большим кораблем.

Тот корабль... величавей, смелее

Не видали над бездной морской.

Колыхались высокие реи, Трепетала вода за кормой.

И летучие странные рыбы

Покидали подводный предел

И бросали на воздух изгибы

Изумрудно-блистающих тел.

Ты стояла на дальнем утесе, Ты смотрела, звала и ждала, Ты в последнем веселом матросе

Огневое стремленье зажгла.

И никто никогда не узнает

О безумной, предсмертной борьбе

И о том, где теперь отдыхает

Тот корабль, что стремился к тебе.

И зачем эти тонкие руки

Жемчугами прорезали тьму, Точно ласточки с песней разлуки, Точно сны, улетаая к нему.

Только тот, кто с тобою, царица, Только тот вспоминает о нем, И его голубая гробница

В затуманенном взоре твоём.

Ужас

Я долго шел по коридорам, Кругом, как враг, таилась тишь.

На пришлеца враждебным взором

Смотрели статуи из ниш.

В угрюмом сне застыли вещи, Был странен серый полумрак, И точно маятник зловещий, Звучал мой одинокий шаг.

И там, где глубже сумрак хмурый, Мой взор горящий был смущен

Едва заметною фигурой

В тени столпившихся колонн.

Я подошел, и вот мгновенный, Как зверь, в меня вцепился страх: Я встретил голову гиены

На стройных девичьих плечах.

На острой морде кровь налипла, Глаза зияли пустотой,

И мерзко крался шепот хриплый: «Ты сам пришел сюда, ты мой!»

Мгновенья страшные бежали, И наплывала полумгла,

И бледный ужас повторяли

Бесчисленные зеркала.

Сады души

Сады моей души всегда узорны, В них ветры так свежи и тиховейны, В них золотой песок и мрамор черный, Глубокие, прозрачные бассейны.

Растенья в них, как сны, необычайны, Как воды утром, розовеют птицы, И – кто поймет намек старинной тайны? —В них девушка в венке великой жрицы.

Глаза, как отблеск чистой серой стали, Изящный лоб, белей восточных лилий, Уста, что никого не целовали

И никогда ни с кем не говорили.

И щеки – розоватый жемчуг юга, Сокровище немислимых фантазий, И руки, что ласкали лишь друг друга, Переплетясь в молитвенном экстазе.

У ног ее – две черные пантеры

С отливом металлическим на шкуре.

Взлетев от роз таинственной пещеры, Ее фламинго плавает в лазури.

Я не смотрю на мир бегущих линий, Мои мечты лишь вечному покорны.

Пусть сирокко бесится в пустыне, Сады моей души всегда узорны.

Жираф

Сегодня, я вижу, особенно грустен твой

взгляд,

И руки особенно тонки, колени обняв.

Послушай: далеко, далеко, на озере Чад

Изысканный бродит жираф.

Ему грациозная стройность и нега дана, И шкуру его украшает волшебный узор, С которым равняться осмелится только

луна,

Дробясь и качаясь на влаге широких озер.

Вдали он подобен цветным парусам корабля, И бег его плавен, как радостный птичий полет.

Я знаю, что много чудесного видит земля, Когда на закате он прячется в мраморный грот.

Я знаю веселые сказки таинственных стран

Про черную деву, про страсть молодого
вождя,

Но ты слишком долго вдыхала тяжелый
туман,

Ты верить не хочешь во что-нибудь, кроме дождя.

И как я тебе расскажу про тропический сад, Про стройные пальмы, про запах
немыслимых трав.

Ты плачешь? Послушай... далеко, на озере

Чад

Изысканный бродит жираф.

Носорог

Видишь, мчатся обезьяны

С диким криком на лианы, Что свисают низко, низко, Слышишь шорох многих ног?

Это значит – близко, близко

От твоей лесной поляны

Разъяренный носорог.

Видишь общее смятенье,

Слышишь топот? Нет сомненья, Если даже буйвол сонный

Отступает глубже в грязь.

Но, в нездешнее влюбленный, Не ищи себе спасенья,

Убегая и таясь.

Подними высоко руки

С песней счастья и разлуки, Взоры в розовых туманах

Мысль далеко уведут,

И из стран обетованных

Нам не зримые фелуки

За тобою приплывут.

Озеро Чад

На таинственном озере Чад

Посреди вековых баобабов

Вырезные фелуки стремят

На заре величавых арабов.

По лесистым его берегам

И в горах, у зеленых подножий, Поклоняются страшным богам

Девы-жрицы с эбеновой кожей.

Я была женой могучего вождя, Дочь владычицы Чада, Я одна во время зимнего дождя

Совершала таинство обряда.

Говорили – на сто миль вокруг

Женщин не было меня светлее, Я браслетов не снимала с рук, И янтарь всегда висел на шее.

Белый воин был так строен, Губы красны, взор спокоен, Он был истинным вождем.

И открылась в сердце дверца, А когда нам шепчет сердце, Мы не боремся, не ждем.

Он сказал мне, что едва ли

И во Франции видали

Обольстительней меня,

И как только день растает, Для двоих он оседлает

Берберийского коня.

Муж мой гнался с верным луком, Пробегал лесные чащи,

Перепрыгивал овраги,

Плыл по сумрачным озерам

И достался смертным мукам, Видел только день палящий

Труп свирепого бродяги, Труп покрытого позором.

А на быстром и сильном верблюде, Утопая в ласкающей груди

Шкур звериных и шелковых тканей, Уносила я птицей на север, Я ломала мой редкостный веер, Упиваясь восторгом заране.

Раздвигала я гибкие складки

У моей разноцветной палатки

И, смеясь, наклонялась в оконце, Я смотрела, как прыгает солнце

В голубых глазах европейца.

А теперь, как мертвая смоковница, У которой листья облетели, Я ненужно-скучная любовница, Словно вещь, я брошена в Марселе.

Чтоб питаться жалкими отбросами, Чтобы жить, вечернею порою

Я пляшу пред пьяными матросами, И они, смеясь, владеют мною.

Робкий ум мой обессилен бедами, Взор мой с каждым часом угасает...

Умереть? Но там, в полях неведомых, Там мой муж, он ждет и не прощает.

Неоромантическая сказка

Над высокою горою

Поднимались башни замка, Окруженного рекою,

Как причудливою рамкой.

Жили в нем согласной парой

Принц, на днях еще из детской, С ним всезнающий, и старый, И напыщенный дворецкий.

В зале Гордых Восклицаний

Много копий и арканов,

Чтоб охотиться на ланей

И рыкающих кабанов.

Вид принявши молодецкий, Принц несется на охоту, Но за ним бежит дворецкий

И кричит, прогнав дремоту: «За пределами Веледа

Есть заклятые дороги,

Там я видел людоеда

На огромном носороге.

Кровожадный, ликом темный, Он бросает злые взоры,

Носорог его огромный

Потрясает ревом горы».

Принц не слушает и мчится, Белый панцирь так и блещет, Сокол, царственная птица, На руке его трепещет.

Вдруг... жилище людоеда —Скал угрюмые уступы

И, трофей его победы,

Полусъеденные трупы.

И, как сны, необычайны

Пестрокожие удавы...

Но дворецкий знает тайны, Жжет магические травы.

Не успел алтарь остынуть, Людоед уже встревожен,

Не пытается он вынуть

Меч испытанный из ножен.

На душе тяжелый ужас,

Непонятная тревога,

И трубит он в рог, натужась, Вызывает носорога.

Но он скоро рог оставит: Друг его в лесистом мраке, Где его упорно травят

Быстроногие собаки.

Юный принц вошел нечаян

В этот дом глухих рыданий, И испуганный хозяин

Очутился на аркане.

Людоеда посадили

Одного с его тоскою

В башню мрака, в башню пыли, За высокою стеною.

Говорят, он стал добрее, Проходящим строит глазки

И о том, как пляшут феи, Сочиняет детям сказки.

Волшебная скрипка

Валерию Брюсову

Милый мальчик, ты так весел, так светла

твоя улыбка,

Не проси об этом счастье, отравляющем

миры,

Ты не знаешь, ты не знаешь, что такое эта

скрипка,

Что такое темный ужас начинателя игры!

Тот, кто взял ее однажды в повелительные

руки,

У того исчез навеки безмятежный свет очей.

Духи ада любят слушать эти царственные

звуки,

Бродят бешеные волки по дороге скрипачей.

Надо вечно петь и плакать этим струнам, звонким струнам,

Вечно должен биться, виться обезумевший

смычок,

И под солнцем, и под вьюгой, под белеющим буруном,

И когда пылает запад, и когда горит восток.

Ты устанешь и замедлишь, и на миг

прервется пенье,

И уж ты не сможешь крикнуть, шевельнуться и вздохнуть, —Тотчас бешеные волки в кровожадном

исступленьи

В горло вцепятся зубами, встанут лапами

на грудь.

Ты поймешь тогда, как злобно насмеялось

все, что пело,

В очи глянет запоздалый, но властительный

испуг.

И тоскливый смертный холод обовьет, как тканью, тело,

И невеста зарыдает, и задумается друг.

Мальчик, дальше! Здесь не встретишь

ни веселья, ни сокровищ!

Но я вижу – ты смеешься, эти взоры —два луча.

На, владей волшебной скрипкой, посмотри

в глаза чудовищ

И погибни славной смертью, страшной смертью скрипача!

Поединок

В твоём гербе – невинность лилий, В моем – багряные цветы.

И близок бой, рога завыли, Сверкнули золотом щиты.

Я вызван был на поединок

Под звуки бубнов и литавр, Среди смеющихся тропинок, Как тигр в саду, – угрюмый мавр.

Ты – дева-воин песен давних, Тобой гордятся короли,

Твое копье не знает равных

В пределах моря и земли.

Вот мы схватились и застыли, И войско с трепетом глядит, Кто побеждает: я ли, ты ли, Иль гибкость стали, иль гранит.

Я пал, и, молнии победней, Сверкнул и в тело впился нож.

Тебе восторг – мой стон последний, Моя прерывистая дрожь.

И ты уходишь в славе ратной, Толпа поет тебе хвалы,

Но ты воротись обратно, Одна, в плаще весенней мглы.

И над равниной дымно-белой, Мерцая шлемом золотым,

Найдешь мой труп окоченелый

И снова склонись над ним: «Люблю! Ты слышишь, милый, милый?

Открой глаза, ответь мне – да.

За то, что я тебя убила, Твоей я стану навсегда».

Еще не умер звук рыданий, Еще щуршит твой белый шелк, А уж ко мне ползет в тумане

Нетерпеливо-жадный волк.

Царица

Твой лоб в кудрях отлива бронзы, Как сталь, глаза твои остры, Тебе задумчивые бонзы

В Тибете ставили костры.

Когда Тимур в унылой злобе

Народы бросил к их мете, Тебя несли в пустынях Гоби

На боевом его щите.

И ты вступила в крепость Агры, Светла, как древняя Лилит, Твои веселые онагры

Звенели золотом копыт.

Был вечер тих. Земля молчала, Едва вздыхали цветники, Да от зеленого канала,

Взлетая, реяли жуки.

И я следил в тени колонны

Черты алмазного лица

И ждал, коленопреклоненный, В одежде розовой жреца.

Узорный лук в дугу был согнут, И, вольность древнюю любя, Я знал, что мускулы не дрогнут

И острие найдет тебя.

Тогда бы вспыхнуло былое.

Князей торжественный приход, И пляски в зарослях алоэ, И дни веселые охот.

Но рот твой, вырезанный строго, Таил такую смену мук,

Что я в тебе увидел бога

И робко выронил свой лук.

Толпа рабов ко мне метнулась, Теснясь, волнуясь и крича, И ты лениво улыбнулась

Стальной секире палача.

В пути

Кончено время игры,

Дважды цветам не цвести.

Тень от гигантской горы

Пала на нашем пути.

Область унынья и слез — Скалы с обеих сторон

И оголенный утес,

Где распростерся дракон.

Острый хребет его крут, Вздох его — огненный смерч.

Люди его назовут

Сумрачным именем: Смерть.

Что ж, обратиться нам вспять, Вспять повернуть корабли, Чтобы опять испытать

Древнюю скудость земли?

Нет, ни за что, ни за что!

Значит, настала пора.

Лучше слепое Ничто,

Чем золотое Вчера!

Вынем же меч-кладенец,

Дар благосклонных наяд, Чтоб обрести, наконец,

Неотцветающий сад.

Старый конквистадор

Углубясь в неведомые горы, Заблудился старый конквистадор.

В дымном небе плавали кондоры, Нависали снежные громады.

Восемь дней скитался он без пищи, Конь издох, но под большим уступом

Он нашел уютное жилище, Чтоб не разлучаться с милым трупом.

Там он жил в тени сухих смоковниц, Песни пел о солнечной Кастилье, Вспоминал сраженья и любовниц, Видел то пиццали, то мантильи.

Как всегда, был дерзок и спокоен

И не знал ни ужаса, ни злости.

Смерть пришла, и предложил ей воин

Поиграть в изломанные кости.

Христос

Он идет путем жемчужным

По садам береговым.

Люди заняты ненужным,

Люди заняты земным.

«Здравствуй, пастырь! Рыбарь, здравствуй!

Вас зову я навсегда,

Чтоб блюсти иную паству

И иные невода.

Лучше ль рыбы или овцы

Человеческой души?

Вы, небесные торговцы,

Не считайте барыши.

Ведь не домик в Галилее

Вам награда за труды, —Светлый рай, что розовее

Самой розовой звезды.

Солнце близится к притину, Слышно веянье конца,

Но отрадно будет сыну

В доме нежного отца».

Не томит, не мучит выбор, Что пленительней чудес?!

И идут пастух и рыбарь

За искателем небес.

Завещание

Очарован соблазнами жизни, Не хочу я растаять во мгле, Не хочу я вернуться к отчизне, К усыпляющей, мертвой земле.

Пусть высоко на розовой влаге

Вечереющих горных озер

Молодые и строгие маги

Кипарисовый сложат костер.

И, покорно склоняясь, положат

На него мой закутанный труп, Чтоб смотрел я с последнего ложа

С затаенной усмешкою губ.

И когда заревое чуть тронет

Темным золотом мраморный мол, Пусть задумчивый факел уронит

Благовонье пылающих смол.

И свирель тишину опечалит, И серебряный гонг заревет

В час, когда задрожит и отчалит

Огневеющий траурный плот.

Словно демон в лесу волхвований, Снова вспыхнет мое бытие, От мучительных красных лобзаний

Зашевелится тело мое.

И пока к пустоте или раю

Необорный не бросит меня, Я еще один раз отпылаю

Упоительной жизнью огня.

Свидание

Сегодня ты придешь ко мне, Сегодня я пойму,

Зачем так странно при луне

Остаться одному.

Ты остановишься, бледна, И тихо сбросишь плащ

Не так ли полная луна

Встает из темных чащ?

И, околдованный луной,

Окованный тобой,

Я буду счастлив тишиной, И мраком, и судьбой.

Так зверь безрадостных лесов, Почувявший весну,

Внимает шороху часов

И смотрит на луну,

И тихо крадется в овраг

Будить ночные сны,

И согласует легкий шаг

С движением луны.

Как он, и я хочу молчать, Тоскуя и любя,

С тревогой древнею встречать

Мою луну, тебя.

Проходит миг, ты не со мной, И снова тень и мрак,

Но, обожженная луной,

Душа хранит твой знак.

Соединяющий тела

Их разлучает вновь,

Но, как луна, всегда светла

Полночная любовь.

«Ты помнишь дворец великанов...»

Ты помнишь дворец великанов, В бассейне серебряных рыб, Аллеи высоких платанов

И башни из каменных глыб?

Как конь золотистый у башен, Играя, вставал на дыбы, И белый чепрак был украшен

Узорами тонкой резьбы?

Ты помнишь, у облачных впадин

С тобою нашли мы карниз, Где звезды, как горсть виноградин, Стремительно падали вниз?

Теперь, о, скажи, не бледнея, Теперь мы с тобою не те, Быть может, сильнее и смелее, Но только чужие мечте.

У нас, как точеные, руки, Красивы у нас имена,

Но мертвой, томительной скуке

Душа навсегда отдана.

И мы до сих пор не забыли, Хоть нам и дано забывать, То время, когда мы любили, Когда мы умели летать.

«Он поклялся в строгом храме...»

Он поклялся в строгом храме

Перед статуей мадонны,

Что он будет верен даме, Той, чьи взоры непреклонны.

И забыл о тайном браке, Всюду ласки расточая,

Ночью был зарезан в драке

И пришел к преддверьям рая.

«Ты ль в моем не клялся храме, —Прозвучала речь мадонны, —Что ты будешь верен даме, Той, чьи взоры непреклонны?»

Отойди, не эти жатвы

Собирает царь небесный.

Кто нарушил слово клятвы, Гибнет, богу неизвестный».

Но, печальный и упрямый, Он припал к ногам мадонны: «Я нигде не встретил дамы, Той, чьи взоры непреклонны».

Ворота рая

Не семью печатями алмазными

В божий рай замкнулся вечный вход, Он не манит блеском и соблазнами, И его не ведает народ.

Это дверь в стене давно брошенной, Камни, мох и больше ничего, Возле – нищий, словно гость непрощеный, И ключи у пояса его.

Мимо едут рыцари и латники, Трубный вой, бряцанье серебра, И никто не взглянет на привратника, Светлого апостола Петра.

Все мечтают: «Там, у гроба божия, Двери рая вскроются для нас, На горе Фаворе, у подножия, Прозвенит обетованный час».

Так проходит медленное чудище, Завывая, трубит звонкий рог, И апостол Петр в дырявом рубище, Словно нищий, бледен и убог.

Заводи

Н. В. Анненской

Солнце скрылось на западе

За полями обетованными, И стали тихие заводи

Синими и благоуханными.

Сонно дрогнул камыш,

Пролетела летучая мышь, Рыба плеснулась в омуте...

...И направились к дому те, У кого есть дом

С голубыми ставнями,

С креслами давними

И круглым чайным столом.

Я один остался на воздухе

Смотреть на сонную заводь, Где днем так отратно плавать, А вечером плакать,

Потому что я люблю тебя, господи.

Маэстро

Н. Л. Сверчкову

В красном фраке с галунами, Надушенный, встал маэстро.

Он рассыпал перед нами

Звуки легкие оркестра.

Звуки мчались и кричали, Как виденья, как гиганты, И метались в гулкой зале, И роняли бриллианты.

К золотым сбегали рыбкам, Что плескались там, в бассейне, И по девичьим улыбкам

Плыли тише и лилейней.

Созидали башни храмам

Голубеющего рая

И ласкали плечи дамам,

Улыбаясь и играя.

А потом с веселой дрожью, Закружившись вокруг оркестра, Тихо падали к подножью

Надушенного маэстро.

Дон Жуан

Моя мечта надменна и проста: Схватить весло, поставить ногу в стремя

И обмануть медлительное время, Всегда лобзая новые уста.

А в старости принять завет Христа, Потупить взор, посыпать пеплом темя

И взять на грудь спасающее бремя

Тяжелого железного креста!

И лишь когда средь оргии победной

Я вдруг опомнюсь, как лунатик бледный, Испуганный в тиши своих путей, Я вспоминаю, что, ненужный атом, Я не имел от женщины детей

И никогда не звал мужчину братом.

Попугай

Я – попугай с Антильских островов, Но я живу в квадратной келье мага.

Вокруг – реторты, глобусы, бумага

И кашель старика, и бой часов.

Пусть в час заклятий, в вихре голосов

И в блеске глаз, мерцающих, как шлага, Ерошат крылья ужас и отвага, И я сражаюсь с призраками сов...

Пусть! Но едва под этот свод унылый

Войдет гадать о картах иль о милой

Распутник в раззолоченном плаще, —Мне грезится корабль в тиши залива, Я вспоминаю солнце... и вотще

Стремлюсь забыть, что тайна некрасива.

Читатель книг

Читатель книг, и я хотел найти

Мой тихий рай в покорности сознанья.

Я их любил, те странные пути, Где нет надежд и нет воспоминанья.

Неутомимо плыть ручьями строк, В проливы глав вступать нетерпеливо, И наблюдать, как пенится поток, И слушать гул идущего прилива!

Но вечером... О, как она страшна, Ночная тень за шкафом, за киотом, И маятник, недвижимый, как луна, Что светит над мерцающим болотом!

«У меня не живут цветы...»

У меня не живут цветы,

Красотой их на миг я обманут, Постоит день, другой, и завянут, У меня не живут цветы.

Да и птицы здесь не живут, Только хохлятся скорбно и глухо, А наутро – комочек из пуха...

Даже птицы здесь не живут.

Только книги в восемь рядов, Молчаливые, грузные томы, Сторожат вековые истомы, Словно зубы в восемь рядов.

Мне продавший их букинист, Помню, был и горбатым, и нищим...

...Торговал за проклятым кладбищем

Мне продавший их букинист.

Это было не раз

Это было не раз, это будет не раз

В нашей битве глухой и упорной: Как всегда, от меня ты теперь отреклась, Завтра, знаю, вернешься покорной.

Но зато не дивись, мой враждующий друг, Враг мой, схваченный темной любовью, Если стоны любви будут стонами мук, Поцелуи – окрашены кровью.

Вечер

Еще один ненужный день, Великолепный и ненужный!

Приди, ласкающая тень,

И душу смутную одень

Своею ризою жемчужной.

И ты пришла... ты гонишь прочь

Зловещих птиц – мои печали.

О повелительница ночь,

Никто не в силах превозмочь

Победный шаг твоих сандалий!

От звезд слетает тишина, Блестит луна – твое запястье, И мне во сне опять дана

Обетованная страна —

Давно оплаканное счастье.

«В моих садах – цветы, в твоих – печаль...»

В моих садах – цветы, в твоих – печаль.

Приди ко мне, прекрасною печалью

Заворожи, как дымчатой вуалью, Моих садов мучительную даль.

Ты – лепесток иранских белых роз.

Войди сюда, в сады моих томлений, Чтоб не было порывистых движений, Чтоб музыка была пластичных поз, Чтоб пронеслось с уступа на уступ

Задумчивое имя Беатриче

И чтоб не хор менад, а хор девичий

Пел красоту твоих печальных губ.

«Я не буду тебя проклинать...»

Я не буду тебя проклинать, Я печален печалью разлуки, Но хочу и теперь целовать

Я твои уводящие руки.

Все свершилось, о чем я мечтал

Еще мальчиком странно-влюбленным, Я увидел блестящий кинжал

В этих милых руках обнаженным.

Ты подаришь мне смертную дрожь, А не бледную дрожь сладострастья, И меня навсегда уведешь

К островам совершенного счастья.

Капитаны

«На полярных морях и на южных...»

На полярных морях и на южных, По изгибам зеленых зыбей, Меж базальтовых скал и жемчужных

Шелестят паруса кораблей.

Быстрокрылых ведут капитаны, Открыватели новых земель, Для кого не страшны ураганы, Кто изведаль мальстремы и мель, Чья не пылью затерянных хартий, Солью моря пропитана грудь, Кто иглой на разорванной карте

Отмечает свой дерзостный путь.

И, взойдя на трепещущий мостик, Вспоминает покинутый порт, Отряхая ударами трости

Ключья пены с высоких ботфорт.

Или, бунт на борту обнаружив, Из-за пояса рвет пистолет, Так, что сыпется золото с кружев, С розоватых брабантских манжет.

Пусть безумствует море и хлещет, Гребни волн поднялись в небеса, —Ни один пред грозой не трепещет, Ни один не свернет паруса.

Разве трусам даны эти руки, Этот острый, уверенный взгляд, Что умеет на вражьих фелуки

Неожиданно бросить фрегат.

Меткой пулей, острой железной

Настигать исполинских китов

И приметить в ночи многозвездной

Охранительный свет маяков?

«Только глянет сквозь утесы...»

Только глянет сквозь утесы

Королевский старый форт, Как веселые матросы

Поспешат в знакомый порт.

Там, хватив в таверне сидру, Речь ведет болтливый дед, Что сразить морскую гидру

Может черный арбалет.

Темнокожие мулатки

И гадают, и поют,

И несется запах сладкий

От готовящихся блюд.

А в заплеванных тавернах

От заката до утра

Мечут ряд колод неверных

Завитые шулера.

Хорошо по докам порта

И слоняться, и лежать,

И с солдатами из форта

Ночью драки затевать.

Иль у знатных иностранок

Дерзко выклянчить два су, Продавать им обезьянок

С медным обручем в носу.

А потом бледнеть от злости, Амулет зажать в пылу,

Все проигрывая в кости

На затоптанном полу.

Но смолкает зов дурмана, Пьяных слов бессвязный лёт, Только рупор капитана

Их к отплытью призовет.

«Но в мире есть иные области...»

Но в мире есть иные области, Луной мучительной томимы.

Для высшей силы, высшей доблести

Они навек недостижимы.

Там волны с блесками и всплесками

Непрекращаемого танца,

И там летит скачками резкими

Корабль «летучего голландца».

Ни риф, ни мель ему не встретятся, Но, знак печали и несчастий, Огни святого Эльма светятся, Усеяв борт его и снасти.

Сам капитан, скользя над бездною, За шляпу держится рукою, Окровавленной, но железною, В штурвал вцепляется – другою.

Как смерть, бледны его товарищи, У всех одна и та же дума.

Так смотрят трупы на пожарище, Невыразимо и угрюмо.

И если в час прозрачный, утренний

Пловцы в морях его встречали, Их вечно мучил голос внутренний

Слепым предвестием печали.

Ватаге буйной и воинственной

Так много сложено историй, Но всех страшней и всех таинственней

Для смелых пенителей моря —О том, что где-то есть окраина —Туда, за тропик Козерога! —Где капитана с ликом Каина

Легла ужасная дорога.

Девушке

Мне не нравится томность

Ваших скрещенных рук,

И спокойная скромность, И стыдливый испуг.

Героиня романов Тургенева, Вы надменны, нежны и чисты, В вас так много безбурно-осеннего

От аллеи, где кружат листья.

Никогда ничему не поверите, Прежде чем не сочтете, не смерите, Никогда никуда не пойдете, Коль на карте путей не найдете.

И вам чужд тот безумный охотник, Что, взойдя на нагую скалу, В пьяном счастье, в тоске безотчетной

Прямо в солнце пускает стрелу.

Сомнение

Вот я один в вечерний тихий час, Я буду думать лишь о вас, о вас.

Возьмусь за книгу, но прочту «она», И вновь душа пьяна и смятена.

Я брошусь на скрипучую кровать, Подушка жжет... нет, мне не спать, а ждать.

И крадучись я подойду к окну, На дымный луг взгляну и на луну.

Вон там, у клумб, вы мне сказали «да», О, это «да» со мною навсегда.

И вдруг сознание бросит мне в ответ, Что вас, покорной, не было и нет, Что ваше «да», ваш трепет у сосны, Ваш поцелуй — лишь бред весны и сны.

Сон

Утренняя болтовня

Вы сегодня так красивы, Что вы видели во сне?

— Берег, ивы

При луне. —

А еще? К ночному склону

Не приходят, не любя.

— Дездемону

И себя. —

Вы смотрите так несмело: Кто там был за купой ив?

— Был Отелло,

Он красив. —

Был ли он вас двух достоин?

Был ли он, как лунный свет?

– Да, он воин

И поэт. —

О какой же пел он ныне

Неоткрытой красоте?

– О пустыне

И мечте. —

И вы слушали влюбленно, Нежной грусти не тая?

– Дездемона,

Но не я. —

Тот, другой

Я жду, исполненный укоров: Но не веселую жену

Для задушевных разговоров

О том, что было в старину.

И не любовницу: мне скучен

Прерывный шепот, томный взгляд, —И к упоеньям я приучен, И к мукам, горше во сто крат.

Я жду товарища, от бога

В веках дарованного мне, За то, что я томился много

По вышине и тишине.

И как преступен он, суровый, Коль вечность променял на час, Принявши дерзко за оковы

Мечты, связующие нас.

Вечное

Я в коридоре дней сомкнутых, Где даже небо – тяжкий гнет, Смотрю в века, живу в минутах, Но жду субботу из суббот, Конца тревогам и удачам, Слепым блужданиям души...

О день, когда я буду зрячим

И странно знающим, спеши!

Я душу обрету иную,

Все, что дразнило, уловя.

Благословлю я золотую

Дорогу к солнцу от червя.

И тот, кто шел со мною рядом

В громах и кроткой тишине, Кто был жесток к моим усладам

И ясно милостив к вине, Учил молчать, учил бороться, Всей древней мудрости земли, —Положит посох, обернется

И скажет просто: «Мы пришли».

Современность

Я закрыл Илиаду и сел у окна, На губах трепетало последнее слово, Что-то ярко светило – фонарь иль луна, И медлительно двигалась тень часового.

Я так часто бросал испытующий взор

И так много встречал отвечающих взоров

Одиссеев во мгле парходных контор, Агамемнонов между трактирных маркеров.

Так в далекой Сибири, где плачет пурга, Застывают в серебряных льдах мастодонты, Их глухая тоска там колышет снега, Красной кровью – ведь их – зажжены

горизонты.

Я печален от книги, томлюсь от луны, Может быть, мне совсем и не надо героя, Вот идут по аллее, так странно нежны, Гимназист с гимназисткой, как Дафнис и Хлоя.

Сонет

Я, верно, болен: на сердце туман, Мне скучно все, и люди, и рассказы, Мне снятся королевские алмазы

И весь в крови широкий ятаган.

Мне чудится (и это не обман), Мой предок был татарин косоглазый, Свирепый гунн... я веяньем заразы, Через века дошедшей, обуян.

Молчу, томлюсь, и отступают стены — Вот океан весь в ключьях белой пены, Закатным солнцем залитый гранит, И город с голубыми куполами, С цветущими, жасминными садами.

Мы дрались там... Ах, да! Я был убит.

Она

Я знаю женщину: молчанье, Усталость горькая от слов

Живет в таинственном мерцанье

Ее расширенных зрачков.

Ее душа открыта жадно

Лишь медной музыке стиха, Пред жизнью дольней и отрадной

Высокомерна и глуха.

Неслышный и неторопливый, Так странно плавлен шаг ее, Назвать нельзя ее красивой, Но в ней все счастье мое.

Когда я жажду своеволий

И смел и горд, – я к ней иду

Учиться мудрой сладкой боли

В ее истоме и бреде.

Она светла в часы томлений

И держит молнии в руке, И четки сны ее, как тени

На райском огненном песке.

Из логова змиева

Из логова змиева,

Из города Киева,

Я взял не жену, а колдунью.

А думал забавницу,

Гадал – своенравницу,

Веселую птицу-певунью.

Покликаешь – морщится,

Обнимешь – топорщится,

А выйдет луна – затомится, И смотрит, и стонет,

Как будто хоронит

Кого-то, – и хочет топиться.

Твержу ей: крещеному,

С тобой по-мудреному

Возиться теперь мне не в пору.

Снеси-ка истому ты

В днепровские омуты,

На грешную Лысую гору.

Молчит – только ежится, И все ей неможется,

Мне жалко ее, виноватую, Как птицу подбитую,

Березу подрытую

Над очастью, богом заклятую.

Я верил, я думал...

Сергею Маковскому

Я верил, я думал, и свет мне блеснул

наконец.

Создав, навсегда уступил меня року

создатель.

Я продан! Я больше не божий! Ушел

продавец

И с явной насмешкой глядит на меня

покупатель.

Летящей горою за мною несется Вчера, А Завтра меня впереди ожидает, как бездна, Иду... но когда-нибудь в бездну сорвется гора, Я знаю, я знаю, дорога моя бесполезна.

И если я волей себе покоряю людей, И если слетает ко мне по ночам вдохновенье, И если я ведаю тайны – поэт, чародей, Властитель Вселенной – тем будет

страшнее паденье.

И вот мне приснилось, что сердце мое

не болит,

Оно – колокольчик фарфоровый

в желтом Китае

На пагоде пестрой... висит и приветно звенит, В эмалевом небе дразня журавлиные стаи.

А тихая девушка в платье из красных шелков, Где золотом вышиты осы, цветы и драконы, С поджатыми ножками смотрит

без мыслей и снов,

Внимательно слушая легкие, легкие звоны.

Ослепительное

Я тело в кресло уроню,

Я свет руками заслоню

И буду плакать долго, долго, Припоминая вечера,

Когда не мучило «вчера»

И не томили цепи долга, И в море врезавшийся мыс, И одинокий кипарис,

И благосклонного Гуссейна, И медленный его рассказ, В часы, когда не видит глаз

Ни кипариса, ни бассейна.

И снова властвует Багдад, И снова странствует Синдбад, Вступает с демонами в ссору, И от египетской земли

Опять уходят корабли

В великолепную Бассору.

Купцам и прибыль и почет, Но нет, не прибыль их влечет

В нагих степях, над бездной водной.

О тайна тайн, о птица Рок, Не твой ли дальний островок

Им был звездой путеводной?

Ты уводила моряков

В пещеры джиннов и волков, Хранящих древнюю обиду, И на висячие мосты

Сквозь темно-красные кусты

На пир к Гаруну-аль-Рашиду.

И я когда-то был твоим, Я плыл, покорный пилигрим, За жизнью благостной и мирной, Чтоб повстречал меня Гуссейн

В садах, где розы и бассейн, На берегу за старой Смирной.

Когда-то... Боже, как чисты

И как мучительны мечты!

Ну что же, раньте сердце, раньте, —Я тело в кресло уроню,

Я свет руками заслоню

И буду плакать о Леванте.

Жестокой

«Пленительная, злая, неужели

Для вас смешно святое слово: друг?

Вам хочется на вашем лунном теле

Следить касанья только женских рук, Прикосновенья губ стыдливо-страстных

И взгляды глаз, не требующих «да»?

Ужели до сих пор в мечтах неясных

Вас детский смех не мучил никогда?»

Любовь мужчины – пламень Прометея, И требует и, требуя, дарит, Пред ней душа, волнуясь и слабея, Как красный куст, горит и говорит.

«Я вас люблю, забудьте сны!» – В молчанье

Она, чуть дрогнув, веки подняла, И я услышал звонких лир бряцанье

И громовые клетоты орла.

Орел Сафо у белого утеса

Торжественно парил, и красота

Безтенных виноградников Лесбоса

Замкнула богохульные уста.

Любовь

Надменный, как юноша, лирик

Вошел, не стучая, в мой дом

И просто заметил, что в мире

Я должен грустить лишь о нем.

С капризной ужимкой захлопнул

Открытую книгу мою,

Туфлей лакированной топнул, Едва проронив: «Не люблю».

Как смел он так пахнуть духами!

Так дерзко перстнями играть!

Как смел он засыпать цветами

Мой письменный стол и кровать!

Я из дому вышел со злостью, Но он увязался за мной, Стучит изумительной тростью

По звонким камням мостовой.

И стал я с тех пор сумасшедшим, Не смею вернуться в свой дом

И все говорю о пришедшем

Бесстыдным его языком.

Укротитель зверей

...Как мой китайский зонтик красен, Натерты мелом башмачки.

Анна Ахматова

Снова заученно-смелой походкой

Я приближаюсь к заветным дверям, Звери меня ждут там, Пестрые звери за крепкой решеткой.

Будут рычать и пугаться бича, Будут сегодня еще вероломней

Или покорней... не все ли равно мне, Если я молод и кровь горяча?

Только... я вижу все чаще и чаще

(Вижу и знаю, что это лишь бред) Странного зверя, которого нет, Он – золотой, шестикрылый, молчащий.

Долго и зорко следит он за мной

И за движеньями всеми моими.

Он никогда не играет с другими

И никогда не придет за едой.

Если мне смерть суждена на арене, Смерть укротителя, знаю теперь, Этот, незримый для публики, зверь

Первым мои перекусит колени.

Фанни, завял вами данный цветок, Вы ж, как всегда, веселы на канате, Зверь мой, он дремлет у вашей кровати, Смотрит в глаза вам, как преданный дог.

Отравленный

«Ты совсем, ты совсем снеговая, Как ты странно и страшно бледна!

Почему ты дрожишь, подавая

Мне стакан золотого вина?»

Отвернулась печальной и гибкой...

Что я знаю, то знаю давно, Но я выпью, и выпью с улыбкой, Все налитое ею вино.

А потом, когда свечи потушат

И кошмары придут на постель, Те кошмары, что медленно душат, Я смертельный почувствую хмель...

И приду к ней, скажу: «Дорогая, Видел я удивительный сон, Ах, мне снилась равнина без края

И совсем золотой небосклон.

Знай, я больше не буду жестоким, Будь счастливой, с кем хочешь, хоть с ним, Я уеду, далеким, далеким, Я не буду печальным и злым.

Мне из рая, прохладного рая, Видны белые отсветы дня...

И мне сладко – не плачь, дорогая, Знать, что ты отравила меня».

У камина

Наплывала тень... Догорал камин, Руки на груди, он стоял один, Неподвижный взор устремляя вдаль, Горько говоря про свою печаль: «Я пробрался в глубь неизвестных стран, Восемьдесят дней шел мой караван.

Цепи грозных гор, лес, а иногда

Странные в дали чьи-то города.

И не раз из них в тишине ночной

В лагерь долетал непонятный вой.

Мы рубили лес, мы копали рвы, Вечерами к нам подходили львы.

Но трусливых душ не было меж нас, Мы стреляли в них, целясь между глаз.

Древний я отрыл храм из-под песка, Именем моим названа река, И в стране озер пять больших племен

Слушались меня, чтили мой закон.

Но теперь я слаб, как во власти сна, И больна душа, тягостно больна.

Я узнал, узнал, что такое страх, Погребенный здесь в четырех стенах.

Даже блеск ружья, даже плеск волны

Эту цепь порвать ныне не вольны...»

И, тая в глазах злое торжество, Женщина в углу слушала его.

Оборванец

Я пойду по гулким шпалам

Думать и следить

В небе желтом, в небе алом

Рельс бегущих нить.

В залы пасмурные станций

Забреду, дрожа,

Коль не сгонят оборванца

С криком сторожа.

А потом мечтой упрямой

Вспомню в сотый раз

Быстрый взгляд красивой дамы, Севшей в первый класс.

Что ей, гордой и далекой, Вся моя любовь?

Но такой голубоокой

Мне не видеть вновь!

Расскажу я тайну другу, Подтруню над ним,

В теплый час, когда по лугу

Вечер стелет дым.

И с улыбкой безобразной

Он ответит: «Ишь!

Начитался дряни разной, Вот и говоришь».

На берегу моря

Уронила луна из ручек —Так рассеянна до сих пор —Веер самых розовых тучек

На морской голубой ковер.

Наклонилась... достать мечтает

Серебристой тонкой рукой, Но напрасно! Он уплывает, Уносимый быстрой волной.

Я б достать его взялся... смело, Луна, я б прыгнул в поток, Если б ты спуститься хотела

Иль подняться к тебе я мог.

Искусство

Созданье тем прекрасней, Чем взятый материал

Бесстрастней —

Стих, мрамор иль металл.

О светлая подруга,

Стеснения гони,

Но туго

Котурны затяни.

Прочь легкие приемы,

Башмак по всем ногам,

Знакомый

И нищим, и богам.

Скульптор, не мни покорной

И вялой глины ком,

Упорно

Мечтая о другом.

С паросским иль каррарским

Борись обломком ты,

Как с царским

Жилищем красоты.

Прекрасная темница!

Сквозь бронзу Сиракуз

Глядится

Надменный облик муз.

Рукою нежной брата

Очерчивай уклон

Агата,

И выйдет Аполлон.

Художник! Акварели

Тебе не будет жаль!

В купели

Расплавь свою эмаль.

Твори сирен зеленых

С усмешкой на губах,

Склоненных

Чудовищ на гербах.

В трехъярусном сиянье

Мадонну и Христа,

Пыланье

Латинского креста.

Все прах. – Одно, ликуя, Искусство не умрет.

Статуя

Переживет народ.

И на простой медали,

Открытой средь камней,

Видали

Неведомых царей.

И сами боги тленны,

Но стих не кончит петь, Надменный,

Властительней, чем медь.

Чеканить, гнуть, бороться, —И зыбкий сон мечты

Вольется

В бессмертные черты.

Гиппопотам

Гиппопотам с огромным брюхом

Живет в яванских тростниках, Где в каждой яме стонут глухо

Чудовища, как в страшных снах.

Свистит боа, скользя над кручей, Тигр угрожающе рычит

И буйвол фыркает могучий, А он пасется или спит.

Ни стрел, ни острых ассагаев, —Он не боится ничего,

И пули меткие сипаев

Скользят по панцирю его.

И я в родне гиппопотама: Одет в броню моих святынь.

Иду торжественно и прямо

Без страха посреди пустынь.

Открытие Америки

Поэма

Песнь первая

Свежим ветром снова сердце пьяно, Тайный голос шепчет: «Все покинь!»

Перед дверью над кустом бурьяна

Небосклон безоблачен и синь, В каждой луже запах океана, В каждом камне веянье пустынь.

Мы с тобою, Муза, быстроноги, Любим ивы вдоль степной дороги, Мерный скрип колес и вдалеке

Белый парус на большой реке.

Этот мир, такой святой и строгий, Что нет места в нем пустой тоске.

Ах, в одном божественном движенье, Косным, нам дано преображенье, В нем и мы – не только отраженье, В нем живым становится, кто жил...

О пути земные, сетью жил, Розой вен вас бог расположил!

И струится, и поет по венам

Радостно бушующая кровь.

Нет конца обетам и изменам, Нет конца веселым переменам, И отсталых подгоняют вновь

Плетью боли Голод и Любовь.

Дикий зверь бежит из пущей в пущи, Краб ползет на берег при луне, И блуждает ястреб в вышине, —Голодом и Страстью всемогущей

Все больны, – летящий и бегущий, Плавающий в черной глубине.

Веселы, нежданны и кровавы

Радости, печали и забавы

Дикой и пленительной земли.

Но всего прекрасней жажда славы, Для нее рождаются короли, В океанах ходят корабли.

Что же, Муза, нам с тобою мало, Хоть нежны мы, быть всегда вдвоем!

Скорбь о высшем в голосе твоём: Хочешь, мы с тобою уплывем

В страны нарда, золота, коралла

В первой каравелле адмирала?

Видишь? Город... веянье знамен...

Светит солнце, яркое, как в детстве, С колоколен раздаётся звон, Провозвестник радости, не бедствий, И над портом, словно тяжкий стон, Слышен гул восторга и приветствий.

Где ж Колумб? Прохожий, укажи!

В келье разбирает чертежи

С нашим старым приором Хуаном.

В этих прежних картах столько лжи, А шутить не должно с океаном

Даже самым смелым капитанам.

Сыплется в узорное окно

Золото и пурпур повечерий, Словно в зачарованной пещере, Сон и явь сливаются в одно, Время тихо, как веретено

Феи-сказки дедовских поверий.

В дорогой кольчуге Христофор, Старый приор в праздничном убранстве, А за ними поднимает взор

Та, чей дух – крылатый метеор, Та, чей мир в святом непостоянстве, Чье названье Муза Дальних Странствий.

Странны и горды обрывки фраз: «Путь на юг? Там был уже Диас...»

– Да, но кто слышал его рассказ?.. —«...У страны Великого Могола

Острова...» – Но где же? Море голо.

Путь на юг... – «Сеньор! А Марко Поло?»»

Вот взвился над старой башней флаг, Постучали в дверь – условный знак, —Но друзья не слышат. В жарком споре —Что для них отлив, растущий в море!..

Столько не разобрано бумаг, Столько не досказано историй!

Лишь когда в сады спустилась мгла, Стало тихо и прохладно стало, Муза тайный долг свой угадала, Подошла и властно адмирала, Как ребенка, к славе увела

От его рабочего стола.

Песнь вторая

Двадцать дней, как плыли каравеллы, Встречных волн проламывая грудь.

Двадцать дней, как компасные стрелы

Вместо карт указывали путь, И как самый бодрый, самый смелый

Без тревожных снов не мог заснуть.

И никто на корабле, бегущем

К дивным странам, заповедным кушам, Не дерзал подумать о грядущем.

В мыслях было пусто и темно.

Хмуρο измеряли лотом дно, Парусов чинили полотно.

Астрологи в вечер их отплыть

Высчитали звездные события, Их слова гласили: «Все обман».

Ветер слева вспенил океан, И пугали ужасом наитья

Темные пророчества гитан.

И напрасно с кафедры прелаты

Столько обещали им наград, Обещали рыцарские латы, Царства обещали вместо платы, И про золотой индийский сад

Столько станц гремело и баллад...

Все прошло, как сон! А в настоящем —Смутное предчувствие беды, Вместо славы – тяжкие труды

И под вечер – призраком горящим, Злобно ждущим и жестоко мстящим —Солнце в бездне огненной воды.

Хозе помешался и сначала

С топором пошел на адмирала, А потом забился в дальний трюм

И рыдал... Команда не внимала, И несчастный помутневший ум

Был один во власти страшных дум.

По ночам садились на канаты

И шептались – а хотелось выть: «Если долго вслед за солнцем плыть, То беды кровавой не избыть: Солнце в бездне моется проклятой, Солнцу ненавистен соглядатай!»

Но Колумб забыл бунтовщиков, Он молчит о лени их и пьянстве.

Целый день на мостике готов, Как влюбленный, грезить о пространстве.

В шуме волн он слышит сладкий зов, Уверенья Музы Дальних Странствий.

И пред ним смирялись моряки: Так над кручей злобные быки

Топчутся, их гонит пастырь горный, В их сердцах отчаянье тоски, В их мозгу гнездится ужас черный, Взор свиреп... и все ж они покорны!

Но не в город и не под копье

Смуглым и жестоким пикадорам

Адмирал холодным гонит взором

Стадо оробелое свое,

А туда, в иное бытие,

К новым, лучшим травам и озерам.

Если светел мудрый астролог, Увидав безвестную комету, Если, новый отыскав цветок, Мальчик под собой не чует ног, Если выше счастья нет поэту, Чем придать нежданный блеск сонету, Если, как подарок, нам дана

Мыслей неоткрытых глубина, Своего не знающая дна,

Старше солнц и вечно молодая...

Если смертный видит отсвет рая, Только неустанно открывая: – То Колумб светлее, чем жених

На пороге радостей ночных, Чудо он духовным видит оком, Целый мир, неведомый пророкам, Что залег в пучинах голубых, Там, где запад сходится с востоком.

Эти воды богом прокляты!

Этим страшным рифам нет названья!

Но навстречу жадного мечтанья

Уж плывут, плывут, как обещаья, В море ветви, травы и цветы, В небе птицы странной красоты.

Песнь третья

«Берег, берег!..» И чинивший знамя

Замер, прикусив зубами нить, А державший голову руками

Сразу не посмел их опустить.

Вольный ветер веял парусами, Каравеллы продолжали плыть.

Кто он был, тот первый, светлокий, Что, завидев с палубы высокой

В диком море остров одинокий, Закричал, как коршуны кричат?

Старый кормщик, рыцарь иль пират, Ныне он Колумбу – младший брат!

Что один исчислил по таблицам, Чертежам и выцветшим страницам, Ночью угадал по вещим снам, —То увидел в яркий полдень сам

Тот, другой, подобный зорким птицам, Только птицам, Муза, им и нам.

Словно дети, прыгают матросы, Я так счастлив... нет, я не могу...

Вон журавль смешной и длинноносый

Полетел на белые утесы, В синем небе описав дугу, Вот и берег... мы на берегу.

Престарелый, в полном облаченье, Патер совершил богослуженье, Он молил: «О боже, не покинь

Грешных нас...» – кругом звучало пенье, Медленная, медная латынь

Породнилась с шумами пустынь.

И казалось, эти же поляны

Нам не раз мерещились в бреду...

Так же на змеистые лианы

С криками взбегали обезьяны.

Цвел волчец. Как грешники в аду, Звонко верещали какаду...

Так же сладко лился в наши груди

Аромат невиданных цветов, Каждый шаг был так же странно нов, Те же выходили из кустов, Улыбаясь и крича о чуде, Красные, как медь, нагие люди.

Ах! Не грезил с нами лишь один, Лишь один хранил в душе тревогу, Хоть сперва, склонясь, как паладин

Набожный, и он молился богу, Хоть теперь целует прах долин, Стебли трав и пыльную дорогу.

Как у всех матросов, грудь нага, В левом ухе медная серьга

И на смуглой шее нить коралла, Но уста (их тайна так строга), Взор, где мысль гореть не перестала, Выдали нам, Муза, адмирала.

Он печален, этот человек, По морю прошедший, как по суше, Словно шашки,двигающий души

От родных селений, мирных нег

К диким устьям безымянных рек...

Что он шепчет!.. Муза, слушай, слушай!

«Мой высокий подвиг я свершил, Но томится дух, как в темном склепе.

О великий боже, боже сил, Если я награду заслужил, Вместо славы и великолепий

Дай позор мне, вышний, дай мне цепи!

Крепкий мех так горд своим вином, Но когда вина не стало в нем, Пусть хозяин бросит жалкий ком!

Раковина я, но без жемчужин, Я поток, который был запружен, —Спущенный, теперь уже не нужен».

Да! Пробудит в черни площадной

Только смех бессмысленно-тупой, Злость в монахах, ненависть в дворянстве

Гений, обвиненный в шарлатанстве!

Как любовник, для игры иной

Он покинут Музой Дальних Странствий...

Я молчал, закрыв глаза плащом.

Как струна, натянутая туго, Сердце билось быстро и упруго, Как сквозь сон я слышал, что подруга

Мне шепнула: «Не скорби о том, Кто Колумбом назван... Отойдем!»

Памяти Анненского

К таким неожиданным и певучим бредням

Зовя с собой умы людей, Был Иннокентий Анненский последним

Из царскосельских лебедей.

Я помню дни: я, робкий, торопливый, Входил в высокий кабинет, Где ждал меня спокойный и учтивый, Слегка седеющий поэт.

Десяток фраз, пленительных и странных, Как бы случайно уроня,

Он вбрасывал в пространства безымянных

Мечтаний – слабого меня.

О, в сумрак отступающие вещи, И еле слышные духи,

И этот голос, нежный и зловещий, Уже читающий стихи!

В них плакала какая-то обида, Звенела медь и шла гроза, А там, над шкафом, профиль Еврипида

Слепил горящие глаза.

...Скамью я знаю в парке. Мне сказали, Что он любил сидеть на ней, Задумчиво смотря, как сини дали

В червонном золоте аллей.

Там вечером и страшно, и красиво, В тумане светит мрамор плит, И женщина, как серна боязлива, Во тьме к прохожему спешит.

Она глядит, она поет и плачет, И снова плачет и поет,

Не понимая, что все это значит, Но только чувствуя – не тот.

Журчит вода, протачивая шлюзы, Сырой травой пахнет мгла, И жалок голос одинокой музы, Последней – Царского Села.

Венеция

Поздно. Гиганты на башне

Гулко ударили три.

Сердце ночами бесстрашной.

Путник, молчи и смотри.

Город, как голос наяды, В призрачно-светлом былом, Кружев узорней – аркады, Воды застыли стеклом.

Верно, скрывают колдуний

Завесы черных гондол

Там, где огни на лагуне —Тысячи огненных пчел.

Лев на колонне, и ярко

Львиные очи горят,

Держит евангелье Марка, Как серафимы, крылат.

А на высотах собора,

Где от мозаики блеск,

Чу, голубинога хора

Вздох, воркованье и плеск.

Может быть, это лишь шутка

Скал и воды колдовство.

Марево? Путнику жутко,

Вдруг... никого, ничего?

Крикнул. Его не слышали, Он, оборвавшись, упал

В зыбкие, бледные дали

Венецианских зеркал.

Пятистопные ямбы

М. Л. Лозинскому

Я помню ночь, как черную наяду, В морях под знаком Южного Креста.

Я плыл на юг; могучих волн громаду

Взрывали мощно лопасти винта, И встречные суда, очей отраду, Брала почти мгновенно темнота.

О, как я их жалел, как было странно

Мне думать, что они идут назад

И не остались в бухте необманной, Что Дон Жуан не встретил Донны Анны, Что гор алмазных не нашел Синдбад

И Вечный жид несчастней во сто крат.

Но проходили месяцы, обратно

Я плыл и увозил клыки слонов, Картины абиссинских мастеров, Меха пантер – мне нравились их пятна —И то, что прежде было непонятно, Презренье к миру и усталость снов.

Я молод был, был жаден и уверен, Но дух земли молчал, высокомерен, И умерли слепящие мечты, Как умирают птицы и цветы.

Теперь мой голос медлен и размерен, Я знаю, жизнь не удалась... и ты.

Ты, для кого искал я на Леванте

Нетленный пурпур королевских мантий, Я проиграл тебя, как Дамаянти

Когда-то проиграл безумный Наль.

Взлетели кости, звонкие, как сталь, Упали кости – и была печаль.

Сказала ты, задумчивая, строго: «Я верила, любила слишком много, А уйду, не веря, не любя, И пред лицом всевидящего бога, Быть может, самое себя губя, Навек я отрекаюсь от тебя».

Твоих волос не смел поцеловать я, Ни даже сжать холодных, тонких рук, Я сам себе был гадок, как паук, Меня пугал и мучил каждый звук, И ты ушла в простом и темном платье, Похожая на древнее распятие.

То лето было грозами полно, Жарой и духотою небывалой, Такой, что сразу делалось темно

И сердце биться вдруг переставало, В полях колосья сыпали зерно, И солнце даже в полдень было ало.

И в реве человеческой толпы, В гуденье проезжающих орудий, В немолчном зове боевой трубы

Я вдруг услышал песнь моей судьбы

И побежал, куда бежали люди, Покорно повторяя: буди, буди.

Солдаты громко пели, и слова

Невняты были, сердце их ловило: «Скорей вперед! Могила, так могила!

Нам ложем будет свежая трава, А пологом – зеленая листва, Союзником – архангельская сила».

Так сладко эта песнь лилась, маня, Что я пошел, и приняли меня

И дали мне винтовку, и коня, И поле, полное врагов могучих, Гудящих грозно бомб и пуль певучих, И небо в молнийных и рдяных тучах.

И счастьем душа обожжена

С тех самых пор; веселием полна

И ясностью, и мудростью; о боге

Со звездами беседует она, Глас бога слышит в воинской тревоге

И божьими зовет свои дороги.

Честнейшую честнейших херувим, Славнейшую славнейших серафим, Земных надежд небесное свершенье

Она величит каждое мгновенье

И чувствует к простым словам своим

Вниманье, милость и благоволенье.

Есть на море пустынном монастырь

Из камня белого, золотоглавый, Он озарен немеркнущею славой.

Туда б уйти, покинуть мир лукавый, Смотреть на ширь воды и неба ширь...

В тот золотой и белый монастырь!

Пиза

Солнце жжет высокие стены, Крыши, площади и базары.

О янтарный мрамор Сиены

И молочно-белый Каррары!

Все спокойно под небом ясным.

Вот, окончив псалом последний, Возвращаются дети в красном

По домам от поздней обедни.

Где ж они, суровые громы

Золотой тосканской равнины, Ненасытная страсть Содомы

И голодный вопль Уголино?

Ах, и мукам счет и усладам

Не веками ведут – годами!

Гибеллины и гвельфы рядом

Задремали в гробах с гербами.

Все проходит, как тень, но время

Остается, как прежде, мстящим, И бывшее, темное бремя

Продолжает жить в настоящем.

Сатана в нестерпимом блеске, Оторвавшись от старой фрески, Наклонился с тоской всегдашней

Над кривою Пизанской башней.

Юдифь

Какой мудрейшею из мудрых пифий

Поведан будет нам нелицемерный

Рассказ об иудеянке Юдифи, О вавилонянине Олоферне?

Ведь много дней томилась Иудея, Опалена горячими ветрами, Ни спорить, ни покорствоваться не смея

Пред красными, как зарево, шатрами.

Сатрап был мощен и прекрасен телом, Был голос у него, как гул сраженья, И все же девушкой не овладело

Томительное головокруженье.

Но, верно, в час блаженный и проклятый, Когда, как омут, приняло их ложе, Поднялся ассирийский бык крылатый, Так странно с ангелом любви несхожий.

Иль, может быть, в дыму кадилъниц рея

И вскрикивая в грохоте тимпана, Из мрака будущего Саломея

Кичилась головой Иоканаана.

Возвращение

Анне Ахматовой

Я из дому вышел, когда все спали, Мой спутник скрывался у рва в кустах, Наверно, наутро меня искали, Но было поздно, мы шли в полях.

Мой спутник был желтый, худой, раскосый, О, как я безумно его любил, Под пестрой хламидой он прятал косу, Глазами гадюки смотрел и ныл.

О старом, о странном, о безбольном, О вечном слагалось его нытье, Звучало мне звоном колокольным, Ввергало в истому, в забытье.

Мы видели горы, лес и воды, Мы спали в кибитках чужих равнин.

Порою казалось – идем мы годы, Казалось порою – лишь день один.

Когда ж мы достигли стены Китая, Мой спутник сказал мне: «Теперь прощай.

Нам разны дороги: твоя – святая, А мне, мне сеять мой рис и чай».

На белом пригорке, над полем чайным, У пагоды ветхой сидел Будда.

Пред ним я склонился в восторге тайном, И было сладко, как никогда.

Так тихо, так тихо над миром дольным, С глазами гадюки, он пел и пел

О старом, о странном, о безбольном, О вечном, и воздух вокруг светлел.

Солнце духа

Как могли мы прежде жить в покое

И не ждать ни радостей, ни бед, Не мечтать об огнезарном бое, О рокошущей трубе побед.

Как могли мы... но еще не поздно, Солнце духа наклонилось к нам, Солнце духа благостно и грозно

Разлилось по нашим небесам.

Расцветает дух, как роза мая, Как огонь, он разрывает тьму, Тело, ничего не понимая, Слепо повинуется ему.

В дикой прелести степных раздолий, В тихом таинстве лесной глуши

Ничего нет трудного для воли

И мучительного для души.

Чувствую, что скоро осень будет, Солнечные кончатся труды

И от древа духа снимут люди

Золотые, зрелые плоды.

Падуанский собор

Да, этот храм и дивен, и печален, Он – искушенье, радость и гроза, Горят в окошечках исповедален

Желаньем истомленные глаза.

Растет и падает напев органа

И вновь растет полнее и страшней, Как будто кровь, бунтующая пьяно

В гранитных венах сумрачных церквей.

От пурпура, от мучеников томных, От белизны их обнаженных тел, Бежать бы из-под этих сводов темных, Пока соблазн душой не овладел.

В глухой таверне старого квартала

Сесть на террасе и спросить вина, Там от воды приморского канала

Совсем зеленой кажется стена.

Скорей! Одно последнее усилие!

Но вдруг слабеешь, выходя на двор, —Готические башни, словно крылья, Католицизм в лазури распростер.

Отъезжающему

Нет, я не в том тебе завидую

С такой мучительной обидою, Что уезжаешь ты и вскоре

На Средиземном будешь море.

И Рим увидишь, и Сицилию, Места, любезные Вергилию, В благоухающей, лимонной

Трущобе сложишь стих влюбленный.

Я это сам не раз испытывал, Я солью моря грудь пропитывал, Над Арно, Данта чья обычай, Слагал сонеты Беатриче.

Что до природы мне, до древности, Когда я полон жгучей ревности, Ведь ты во всем ее убранстве

Увидел Музу Дальних Странствий.

Ведь для тебя в руках изменницы

В хрустальном кубке нектар пенится, И огнедышащей беседы

Ты знаешь молнии и бреды.

А я, как некими гигантами, Торжественными фолиантами

От вольной жизни заперт в нишу, Ее не вижу и не слышу.

Снова море

Я сегодня опять услышал, Как тяжелый якорь ползет, И я видел, как в море вышел

Пятипалубный пароход,

Оттого-то и солнце дышит, А земля говорит, поет.

Неужель хоть одна есть крыса

В грязной кухне иль червь в норе, Хоть один беззубый и лысый

И помешанный на добре,

Что не слышат песен Улисса, Призывающего к игре?

Ах, к игре с трезубцем Нептуна, С косами диких nereid

В час, когда буруны, как струны, Звонко лопаются и дрожит

Пена в них или груди юной, Самой нежной из Афродит.

Вот и я выхожу из дома

Повстречаться с иной судьбой, Целый мир, чужой и знакомый, Породниться готов со мной: Берегов изгибы, изломы, И вода, и ветер морской.

Солнце духа, ах, беззакатно, Не земле его побороть,

Никогда не вернусь обратно, Усмирю усталую плоть,

Если лето благоприятно, Если любит меня господь.

«Я вежлив с жизнью современною...»

Я вежлив с жизнью современною, Но между нами есть преграда.

Все, что смешит ее, надменную, Моя единая отрада.

Победа, слава, подвиг – бледные

Слова, затерянные ныне, Гремят в душе, как громы медные, Как голос господа в пустыне.

Всегда ненужно и непрошено

В мой дом спокойствие входило: Я клялся быть стрелою, брошенной

Рукой Немврода иль Ахилла.

Но нет, я не герой трагический, Я ироничнее и суше,

Я здесь, как идол металлический

Среди фарфоровых игрушек.

Он помнит головы курчавые, Склоненные к его подножью, Жрецов молитвы величавые, Грозу в лесах, объятых дрожью.

И видит, горестно-смеющийся, Всегда недвижимые качели.

Где даме с грудью выдающейся

Пастух играет на свирели.

Восьмистишие

Ни шороха полночных далей, Ни песен, что певала мать, Мы никогда не понимали

Того, что стоило понять.

И, символ горнего величья, Как некий благостный завет, Высокое косноязычье

Тебе даруется, поэт.

Вечер

Как этот ветер грузен, не крылат!

С надтреснутою дыней схож закат, И хочется подтолкнуть слегка

Катящиеся вяло облака.

В такие медленные вечера

Коней карьером гонят кучера, Сильней веслом рвут воду рыбаки, Ожесточенней рубят лесники

Огромные, кудрявые дубы...

А те, кому доверены судьбы

Вселенского движения и в ком

Всех ритмов бывших и небывших дом, Слагают окрыленные стихи, Расковывая косный сон стихий.

Болонья

Нет воды вкуснее, чем в Романье, Нет прекрасней женщин, чем в Болонье, В лунной мгле разносятся признанья, От цветов струится благовонье.

Лишь фонарь идущего вельможи

На мгновенье выхватит из мрака

Между кружев розоватость кожи, Длинный ус, что крутит забияка.

И его скорей проносят мимо, А любовь глядит и торжествует.

О, как пахнут волосы любимой, Как дрожит она, когда целует.

Но вино, чем слаще, тем хмельнее, Дама, чем красивей, тем лукавей, Вот уже уходят ротозеи

В тишине мечтать о высшей славе.

И они придут, придут до света

С мудрой думой о Юстиниане

К темной двери университета, Векового логовища знаний.

Старый доктор сгорблен в красной тоге, Он законов ищет в беззаконьи, Но и он порой волочит ноги

По веселым улицам Болоньи.

Деревья

Я знаю, что деревьям, а не нам, Дано величье совершенной жизни.

На ласковой земле, сестре звездам, Мы – на чужбине, а они – в отчизне.

Глубокой осенью в полях пустых

Закаты медно-красные, восходы

Янтарные окраске учат их, —Свободные, зеленые народы.

Есть Моисеи посреди дубов, Марии между пальм... Их души, верно, Друг другу посылают тихий зов

С водой, струящейся во тьме безмерной.

И в глубине земли, точка алмаз, Дробя гранит, ключи лепечут скоро, Ключи поют, кричат – где сломан вяз, Где листьями оделась сикомора.

О, если бы и мне найти страну, В которой мог не плакать и не петь я, Безмолвно поднимаясь в вышину

Неисчислимые тысячелетья!

Андрей Рублев

Я твердо, я так сладко знаю, С искусством иноков знаком, Что лик жены подобен раю, Обетованному творцом.

Нос – это дерева ствол высокий; Две тонкие дуги бровей

Над ним раскинулись, широки, Изгибом пальмовых ветвей.

Два вещей сирина, два глаза, Под ними сладостно поют, Велеречивостью рассказа

Все тайны духа выдают.

Открытый лоб – как свод небесный, И кудри – облака над ним; Их, верно, с робостью прелестной

Касался нежный серафим.

И тут же, у подножья дерева, Уста – как некий райский цвет, Из-за какого матерь Ева

Благой нарушила завет.

Все это кистью достохвальной

Андрей Рублев мне начертал, И этой жизни труд печальный

Благословеньем божьим стал.

Я и вы

Да, я знаю, я вам не пара, Я пришел из иной страны, И мне нравится не гитара, А дикарский напев зурны.

Не по залам и по салонам

Темным платьям и пиджакам —Я читаю стихи драконам, Водопадам и облакам.

Я люблю – как араб в пустыне

Припадает к воде и пьет, А не рыцарем на картине, Что на звезды смотрит и ждет.

И умру я не на постели, При нотариусе и враче,

А в какой-нибудь дикой щели, Утонувшей в густом плюще, Чтоб войти не во всем открытый, Протестантский, прибранный рай, А туда, где разбойник, мытарь

И блудница крикнут: вставай!

Мужик

В чащах, в болотах огромных, У оловянной реки,

В срубках мохнатых и темных

Странные есть мужики.

Выйдет такой в бездорожье, Где разбежался ковыль,

Слушает крики стрибожьи, Чуя старинную быль.

С остановившимся взглядом

Здесь проходил печенег...

Сыростью пахнет и гадом

Возле мелеющих рек.

Вот уже он и с котомкой, Путь оглашая лесной

Песней протяжной, негромкой, Но озорной, озорной.

Путь этот – светы и мраки, Посвист разбойный в полях, Ссоры, кровавые драки

В страшных, как сны, кабаках.

В гордую нашу столицу

Входит он – боже, спаси! —Обворожает царицу

Необозримой Руси

Взглядом, улыбкою детской, Речью такой озорной, —И на груди молодецкой

Крест просиял золотой.

Как не погнулись – о, горе! —Как не покинули мест

Крест на Казанском соборе

И на Исакии крест?

Над потрясенной столицей

Выстрелы, крики, набат.

Город ощерился львицей, Обороняющей львят.

«Что ж, православные, жгите

Труп мой на темном мосту, Пепел по ветру пустите...

Кто защитит сироту?

В диком краю и убогом

Много таких мужиков,

Слышен по вашим дорогам

Радостный гул их шагов».

Рабочий

Он стоит пред раскаленным горном, Невысокий старый человек.

Взгляд спокойный кажется покорным

От миганья красноватых век.

Все товарищи его заснули, Только он один еще не спит: Все он занят отливаньем пули, Что меня с землею разлучит.

Кончил, и глаза повеселели.

Возвращается. Блестит луна.

Дома ждет его в большой постели

Сонная и теплая жена.

Пуля, им отлитая, просвищет

Над седою, вспененной Двиной, Пуля, им отлитая, отыщет

Грудь мою, она пришла за мной.

Упаду, смертельно затоскую, Прошгое увижу наяву,

Кровь ключом захлещет на сухую, Пыльную и мятую траву.

И господь воздаст мне полной мерой

За недолгий мой и горький век.

Это сделал, в блузе светло-серой, Невысокий старый человек.

Швеция

Страна живительной прохлады

Лесов и гор гудящих, где

Всклокоченные водопады

Ревут, как будто быть беде.

Для нас священная навеки

Страна, ты помнишь ли, скажи, Тот день, как из варягов в греки

Пошли суровые мужи?

Ответь, ужели так и надо, Чтоб был, свидетель злых обид, У золотых ворот Царьграда

Забыт Олегов медный щит?

Чтобы в томительные бреды

Опять поникла, как вчера, Для славы, силы и победы

Тобой подъятая сестра?

И неужель твой ветер свежий

Вотще нам в уши сладко выл, К Руси славянской, печенежьей

Вотще твой Рюрик приходил?

Творчество

Моим рожденные словом,

Гиганты пили вино

Всю ночь, и было багровым, И было страшным оно.

О, если б кровь мою пили, Я меньше бы изнемог,

И пальцы зари бродили

По мне, когда я прилег.

Проснулся, когда был вечер.

Вставал туман от болот, Тревожный и теплый ветер

Дышал из южных ворот.

И стало мне вдруг так больно, Так жалко стало дня,

Своею дорогой вольной

Прошедшего без меня...

Умчаться б вдогонку свету!

Но я не в силах порвать

Мою зловещую эту

Ночных видений тетрадь.

Телефон

Неожиданный и смелый

Женский голос в телефоне, —Сколько сладостных гармоний

В этом голосе без тела!

Счастье, шаг твой благосклонный

Не всегда проходит мимо: Звонче лютни серафима

Ты и в трубке телефонной!

Юг

За то, что я теперь спокойный, И умерла моя свобода, —О самой светлой, о самой стройной

Со мной беседует природа.

В дали, от зноя помертвелой, Себе и солнцу буйно рада, О самой стройной, о самой белой

Звенит немолчная цикада.

Увижу ль пены побережной

Серебряное колыханье, —О самой белой, о самой нежной

Поет мое воспоминанье.

Вот ставит ночь свои ветрила

И тихо по небу струится, О самой нежной, о самой милой

Мне пестрокрылый сон приснится.

Рассыпающая звезды

Не всегда чужда ты и горда, И меня не хочешь не всегда, —Тихо, тихо, нежно, как во сне, Иногда приходишь ты ко мне.

Надо лбом твоим густая прядь, Мне нельзя ее поцеловать, И глаза большие зажжены

Светами магической луны.

Нежный друг мой, беспощадный враг, Так благословен твой каждый шаг, Словно по сердцу ступаешь ты, Рассыпая звезды и цветы.

Я не знаю, где ты их взяла, Только отчего ты так светла, И тому, кто мог с тобой побыть, На земле уж нечего любить?

О тебе

О тебе, о тебе, о тебе, Ничего, ничего обо мне!

В человеческой, темной судьбе

Ты – крылатый призыв к вышине.

Благородное сердце твое —Словно герб отошедших времен.

Освящается им бытие

Всех земных, всех бескрылых племен.

Если звезды, ясны и горды, Отвернутся от нашей земли, У нее есть две лучших звезды: Это – смелые очи твои.

И когда золотой серафим

Протрубит, что исполнился срок, Мы поднимем тогда перед ним, Как защиту, твой белый платок.

Звук замрет в задрожавшей трубке, Серафим пропадет в вышине...

...О тебе, о тебе, о тебе, Ничего, ничего обо мне!

Сон

Застонал я от сна дурного

И проснулся, тяжело скорбя.

Снилось мне – ты любишь другого

И что он обидел тебя.

Я бежал от моей постели, Как убийца от плахи своей, И смотрел, как тускло блестели

Фонари глазами зверей.

Ах, наверно, таким бездомным

Не блуждал ни один человек

В эту ночь по улицам темным, Как по руслам высохших рек.

Вот стою перед дверью твоею, Не дано мне иного пути, Хоть и знаю, что не посмею

Никогда в эту дверь войти.

Он обидел тебя, я знаю, Хоть и было это лишь сном, Но я все-таки умираю

Пред твоим закрытым окном.

Эзбекие

Как странно – ровно десять лет прошло

С тех пор, как я увидел Эзбекие, Большой каирский сад, луною полной

Торжественно в тот вечер освещенный.

Я женщиною был тогда измучен, И ни соленый, свежий ветер моря, Ни грохот экзотических базаров, Ничто меня утешить не могло.

О смерти я тогда молился богу

И сам ее приблизить был готов.

Но этот сад, он был во всем подобен

Священным роцам молодого мира: Там пальмы тонкие вносили ветви, Как девушки, к которым бог нисходит.

На холмах, словно вещие друиды, Толпились величавые платаны, И водопад белел во мраке, точно

Встающий на дыбы единорог.

Ночные бабочки перелетали

Среди цветов, поднявшихся высоко, Иль между звезд, – так низко были звезды, Похожие на спелый барбарис.

И, помню, я воскликнул: «Выше горя

И глубже смерти – жизнь! Прими, господь, Обет мой вольный: что бы ни случилось, Какие бы печали, униженья

Ни выпали на долю мне, не раньше

Задумаюсь о легкой смерти я, Чем вновь войду такой же лунной ночью

Под пальмы и платаны Эзбекие».

Как странно – ровно десять лет прошло, И не могу не думать я о пальмах, И о платанах, и о водопаде, Во мгле белевшем, как единорог.

И вдруг оглядываюсь я, заслыша

В гуденьи ветра, в шуме дальней речи

И в уважающем молчаньи ночи

Таинственное слово – Эзбекие.

Да, только десять лет, но, хмурый странник, Я снова должен ехать, должен видеть

Моря, и тучи, и чужие лица, Все, что меня уже не обольщает, Войти в тот сад и повторить обет

Или сказать, что я его исполнил

И что теперь свободен...

Китайские стихи

Фарфоровый павильон

Среди искусственного озера

Поднялся павильон фарфоровый; Тигриною спиною выгнутый, Мост яшмовый к нему ведет.

И в этом павильоне несколько

Друзей, одетых в платья светлые, Из чаш, расписанных драконами, Пьют подогретое вино.

То разговаривают весело, А то стихи свои записывают, Заламывая шляпы желтые, Засучивая рукава.

И ясно видно в чистом озере —Мост вогнутый, как месяц яшмовый, И несколько друзей за чашами, Повернутых вниз головой.

Луна на море

Луна уже покинула утесы, Прозрачным море золотом полно, И пьют друзья на лодке остроносой, Не торопясь, горячее вино.

Смотря, как тучи легкие проходят

Сквозь лунный столб, что в море отражен, Одни из них мечтательно находят, Что это поезд богдыханских жен; Другие верят — это к рощам рая

Уходят тени набожных людей; А третьи с ними спорят, утверждая, Что это караваны лебедей.

Природа

Спокойно маленькое озеро, Как чашка, полная водой.

Бамбук совсем похож на хижины, Деревья — словно море крыш.

А скалы острые, как пагоды, Возносятся среди цветов.

Мне думать весело, что вечная

Природа учится у нас.

Дорога

Я видел пред собой дорогу

В тени раскидистых дубов, Такую милую дорогу

Вдоль изгороди из цветов.

Смотрел я в тягостной тревоге, Как плыл по ней вечерний дым, И каждый камень на дороге

Казался близким и родным.

Но для чего идти мне ею?

Она меня не приведет

Туда, где я дышать не смею, Где милая моя живет.

Когда она родилась, ноги

В железо заковали ей,

И стали чужды ей дороги

В тени склонившихся ветвей.

Когда она родилась, сердце

В железо заковали ей,

И та, которую люблю я,

Не будет никогда моей.

Счастье

Из красного дерева лодка моя, И флейта моя из яшмы.

Водою выводят пятно на шелку, Вином – тревогу из сердца.

И если владеешь ты легкой ладьей, Вином и женщиной милой, Чего тебе надо еще? Ты во всем

Подобен гениям неба.

Соединение

Луна восходит на ночное небо

И, светлая, покоится влюбленно.

По озеру вечерний ветер бродит, Целуя ошастливленную воду.

О, как божественно соединенье

Извечно созданного друг для друга!

Но люди, созданные друг для друга, Соединяются, увы, так редко.

Странник

Странник, далеко от родины, И без денег, и без друзей, Ты не слышишь сладкой музыки

Материнского языка.

Но природа так слепительна, Что не вовсе несчастен ты: Пенья птиц, в ветвях гнездящихся, Разве чуждый язык тебе?

Лишь услыша флейту осени, Переливчатый звон цикад, Лишь увидя в небе облако, Распластавшееся, как дракон, Ты поймешь всю бесконечную

Скорбь, доставшуюся тебе, И умчишься мыслью к родине, Заслоняя рукой глаза.

Поэт

Я слышал из сада, как женщина пела, Но я, я смотрел на луну.

И я никогда о певице не думал, Луну в облаках полюбив.

Не вовсе чужой я прекрасной богине: Ответный я чувствую взгляд.

Ни ветви дерев, ни летучие мыши

Не скроют меня от него.

Во взоры поэтов, забывших про женщин, Отраднo смотреться луне, Как в полные блеска чешуи драконов, Священных поэтов морей.

Дом

Тот дом, где играл я ребенком, Пожрал беспощадный огонь.

Я сел на корабль золоченый, Чтоб горе мое позабыть.

На дивно украшенной флейте

Играл я высокой луне.

Но облаком легким прикрылась

Луна, опечалена мной.

Тогда я к горе обернулся, Но песни не шли мне на ум.

Казалось, все радости детства

Сгорели в погибшем дому.

И мне умереть захотелось, И я наклонился к воде.

Но женщина в лодке скользнула

Вторым отраженьем луны.

И если она пожелает,

И если позволит луна,

Я дом себе новый построю

В неведомом сердце ее.

Индокитай

Аннам

Месяц стоит посредине

Дивно-огромного неба,

Ветер в бамбуковой чаше, Благоухающий воздух,

Благословенна семья.

Старшие в роще за чаем, Пьют и стихи повторяют, Из дому слышно гуденье, Там занимаются дети,

Новорожденный кричит.

Тот, кто живет этой жизнью, Полное знает блаженство.

Что ему деньги и слава, Если он верит, что детям

Должно его пережить?

Лаос

Девушка, твои так нежны щеки, Грудь твоя – как холмик невысокий.

Полюби меня, и мы отныне

Никогда друг друга не покинем.

Ты взойдешь на легкую пирогу, Я возьмусь отыскивать дорогу.

На слона ты сядешь, и повсюду

Я твоим карнаком верным буду.

Если сделаешься ты луною, Стану тучкой, чтоб играть с тобою.

Если сделаешься ты лианой, Стану птицею иль обезьяной.

Если будешь ты на горном пике

Перед пастью пропасти великой, Пусть мне ноги закуют в железо, Я на пик твой все-таки долезу.

Но напрасно все мое уменье, Суждено мне горькое мученье, Ты меня не любишь, и умру я, Как бычок, травы лишенный свежей, Без единственного поцелуя

В щеку, где румянец нежен свежий.

Кха

Где вы, красные девушки, Вы, что ответить не можете, Вы, что меня оставляете

Ослабевающим голосом

Звонкое эхо будить?

Или вы съедены тиграми, Или вас держат любовники...

Да отвечайте же, девушки, Я полюбил вас и встретиться

С вами спустился в леса.

С гор я увидел вас голыми

Около чистого озера

И прибежал, не подумавши, Что все вы – дочери месяца, Черной вороны я сын.

Вступление

Оглушенная ревом и топотом, Облеченная в пламя и дымы, О тебе, моя Африка, шепотом

В небесах говорят серафимы.

И твоё открывая евангелие, Повесть жизни ужасной и чудной, О неопытном думают ангеле, Что приставлен к тебе, безрассудной.

Про деянья свои и фантазии, Про звериную душу послушай, Ты, на дереве древнем Евразии

Исполинской висящая грушей.

Обреченный тебе, я поведаю

О вождах в леопардовых шкурах, Что во мраке лесов за победою

Водят полчища стройных и хмурых.

О деревнях с кумирами древними, Что смеются улыбкой недоброй, И о львах, что стоят над деревнями

И хвостом ударяют о ребра.

Дай за это дорогу мне торную

Там, где нету пути человеку, Дай назвать моим именем черную, До сих пор неоткрытую реку.

И последнюю милость, с которою

Отойду я в селенья святые, Дай скончаться под той сикоморою, Где с Христом отдыхала Мария.

Красное море

Здравствуй, Красное море, акуля уха, Негритянская ванна, песчаный котел!

На твоих берегах вместо влажного мха

Известняк, как чудовищный кактус, расцвел.

На твоих островах в раскаленном песке, Позабывших приливом, растущим в ночи, Издыхают чудовища моря в тоске, Осьминоги, тритоны и рыбы-мечи.

С африканского берега сотни пирог

Отплывают и жемчуга ищут вокруг, И стараются их отогнать на восток

С аравийского берега сотни фелук.

Если негр будет пойман, его уведут

На невольничий рынок Ходейды в цепях, Но араб несчастливый находит приют

В грязно-рыжих твоих и горячих волнах.

Как учитель среди шалунов, иногда

Океанский проходит среди них пароход.

Под винтом снеговая клокочет вода

И на палубе красные розы и лед.

Ты бессильно над ним. Пусть ревет ураган, Пусть волна, как хрустальная встанет гора, Закурив папиросу, вздохнет капитан: «Слава богу, свежо! Надоела жара!»

Целый день над водой, словно стая стрекоз, Золотые летучие рыбы видны, У песчаных, серпами изогнутых кос, Мели, точно цветы, зелены и красны.

Блещет воздух, налитый прозрачным огнем, Солнце сказочной птицей глядит с высоты: – Море, Красное море, ты царственно днем, Но ночами вдвойне ослепительно ты!

Только тучкой скользнут водяные пары, Тени черных русалок мелькнут на волнах, Нам чужие созвездья, кресты, топоры

Над тобой загорятся в небесных садах.

И огнями бенгальскими сразу мерцать

Начинают твои колдовские струи, Искры в них и лучи, словно хочешь создать, Позавидовав небу, ты звезды свои.

И когда выплывает луна на зенит, Вихрь проносится, запахи моря тая, От Суэца до Баб-эль-Мандеба звенит, Как Эолова арфа, поверхность твоя.

На обрывистый берег выходят слоны, Чутко слушая волн набегающих шум, Обожать отраженье ущербной луны

Подступают к воде и боятся акул.

И ты помнишь, как только одно из морей, Ты б исполнило некогда божий закон, Разорвало могучие сплавы зыбей, Чтоб прошел Моисей и погиб фараон.

Суэцкий канал

Стаи дней и ночей

Надо мной колдовали,

Но не знаю светлей,

Чем в Суэцком канале,

Где идут корабли,

Не по морю, по лужам,

Посредине земли

Караваном верблюжьим.

Сколько птиц, сколько птиц

Здесь на каменных скатах, Голубых небылиц,

Голенастых, зобатых!

Виден ящериц рой

Золотисто-зеленых,

Словно влаги морской

Стынут брызги на склонах.

Мы кидаем плоды

На ходу арапчатам,

Что сидят у воды,

Подражая пиратам.

Арапчата орут

Так задорно и звонко,

И шипит марабут

Нам проклятья вдогонку.

А когда на пески

Ночь, как коршун, посядет, Задрожат огоньки

Впереди нас и сзади.

Те красней, чем коралл, Эти зелены, сини...

Водяной карнавал

В африканской пустыне.

С отдаленных холмов,

Легким ветром гонимы,

Бедуинских костров

К нам доносятся дымы.

С обвалившихся стен

У изгибов канала

Слышен хохот гиен,

Завыванья шакала.

И в ответ пароход,

Звезды ночи печалю,

Спящей Африке шлет

Переливы рояля.

Мадагаскар

Сердце билось, смертно тоскуя, Целый день я бродил в тоске, И мне снилось ночью: плыву я

По какой-то большой реке.

С каждым мигом все шире, шире

И светлей, и светлей река, Я в совсем неведомом мире

И ладья моя так легка.

Красный идол на белом камне

Мне поведал разгадку чар, Красный идол на белом камне

Громко крикнул: – Мадагаскар.

В раззолоченных паланкинах, В дивно вырезанных ладьях, На широких воловьих спинах

И на звонко ржущих конях

Там, где пели и трепетали

Легких тысячи лебедей,

Друг за другом вслед выступали

Смуглолицых толпы людей.

И о том, как руки принцессы

Домогался старый жених, Сочиняли смешные пьесы

И сейчас же играли их.

А в роскошной форме гусарской

Благосклонно на них взирал

Королевы мадагаскарской

Самый преданный генерал.

Между их были Таматавы, Схожи с грудой темных камней, Пожирали жирные травы

Благовоньем полных полей.

И вздыхал я, зачем плыву я, Не останусь я здесь зачем.

Неужель и здесь не спою я

Самых лучших моих поэм.

Только голос мой был неслышен

И никто мне не мог помочь, А на крыльях летучей мыши

Опускалась теплая ночь.

Небеса и лес потемнели, Смолкли лебеди в забвенье...

...Я лежал на моей постели

И грустил о моей ладье.

Дамара

Готентотская космогония

Человеку грешно гордиться, Человека ничтожна сила, Над землею когда-то птица

Человека сильнее царила.

По утрам выходила рано

К берегам крутым океана

И глотала целые скалы,

Острова целиком глотала.

А священными вечерами,

Над багряными облаками, Поднимая голову, пела,

Пела богу про божье дело.

А ногами чертила знаки, Те, что знают в подземном мраке.

Все, что будет, и все, что было, На песке ногами чертила.

И была она так прекрасна, Так чертила, пела согласно, Что решила с богом сравниться

Неразумная эта птица.

Бог, который весь мир расчислил, Угадал ее злые мысли

И обрек ее на несчастье, Разорвал ее на две части.

И из верхней части, что пела, Пела богу про божье дело, Родились на свет готентоты

И поют, поют без заботы.

А из нижней, чертившей знаки, Те, что знают в подземном мраке, Появились на свет бушмены, Украшают знаками стены.

А вот перья, что улетели

Далеко в океан, доселе

Всё плывут, как белые люди.

И когда их довольно будет, Вновь срастутся былые части

И опять изведают счастье, В белых перьях большая птица

На своей земле поселится.

Память

Только змеи сбрасывают кожи, Чтоб душа старела и росла, Мы, увы, со змеями не схожи, Мы меняем души, не тела.

Память, ты рукою великанши

Жизнь ведешь, как под уздцы коня, Ты расскажешь мне о тех, что раньше

В этом теле жили до меня.

Самый первый: некрасив и тонок, Полюбивший только сумрак рощ, Лист опавший, колдовской ребенок, Словом останавливавший дождь.

Дерево, да рыжая собака, Вот, кого он взял себе в друзья, Память, память, ты не сыщешь знака, Не уверишь мир, что то был я.

И второй... любил он ветер с юга, В каждом шуме слышал звоны лир, Говорил, что жизнь – его подруга, Коврик под его ногами – мир.

Он совсем не нравится мне, это

Он хотел стать богом и царем, Он повесил вывеску поэта

Над дверьми в мой молчаливый дом.

Я люблю избранника свободы, Мореплавателя и стрелка, Ах, ему так звонко пели воды

И завидовали облака.

Высока была его палатка, Мулы были резвы и сильны, Как вино, впивал он воздух сладкий

Белому неведомой страны.

Память, ты слабее год от году, Тот ли это, или кто другой

Променял веселую свободу

На священный долгожданный бой.

Знал он муки голода и жажды, Сон тревожный, бесконечный путь, Но святой Георгий тронул дважды

Пулею нетронутую грудь.

Я – угрюмый и упрямый зодчий

Храма, восстающего во мгле, Я возревновал о славе отчей, Как на небесах, и на земле.

Сердце будет пламенем палимо

Вплоть до дня, когда взойдут, ясны, Стены Нового Иерусалима

На полях моей родной страны.

И тогда повеет ветер странный

И прольется с неба страшный свет, Это Млечный Путь расцвел неожиданно

Садом ослепительных планет.

Предо мной предстанет, мне неведом, Путник, скрыв лицо; но все пойму, Видя льва, стремящегося следом, И орла, летящего к нему.

Крикну я... но разве кто поможет, Чтоб моя душа не умерла?

Только змеи сбрасывают кожи, Мы меняем души, не тела.

Лес

В том лесу белесоватые стволы

Выступали неожиданно из мглы.

Из земли за корнем корень выходил, Точно руки обитателей могил.

Под покровом ярко-огненной листвы

Великаны жили, карлики и львы.

И следы в песке видали рыбаки

Шестипалой человеческой руки.

Никогда сюда тропа не завела

Пэра Франции иль Круглого Стола, И разбойник не гнезвился здесь в кустах, И пещерки не выкапывал монах.

Только раз отсюда в вечер грозовой

Вышла женщина с кошачьей головой, Но в короне из литого серебра, И вздыхала и стонала до утра, И скончалась тихой смертью на заре

Перед тем, как дал причастье ей кюрэ.

Это было, это было в те года, От которых не осталось и следа, Это было, это было в той стране, О которой не загрешишь и во сне.

Я придумал это, глядя на твои

Косы, кольца огневеющей змеи, На твои зеленоватые глаза, Как персидская больная бирюза.

Может быть, тот лес – душа твоя, Может быть, тот лес – любовь моя, Или, может быть, когда умрем, Мы в тот лес направимся вдвоем.

Слово

В оный день, когда над миром новым

Бог склонял лицо свое, тогда

Солнце останавливали словом, Словом разрушали города.

И орел не взмахивал крылами, Звезды жались в ужасе к луне, Если, точно розовое пламя, Слово проплывало в вышине.

А для низкой жизни были числа, Как домашний, подъяремный скот, Потому что все оттенки смысла

Умное число передает.

Патриарх седой, себе под руку

Покоривший и добро и зло, Не решаясь обратиться к звуку, Тростью на песке чертил число.

Но забыли мы, что осиянно

Только слово среди земных тревог

И в евангелие от Иоанна

Сказано, что слово это бог.

Мы ему поставили пределом

Скудные пределы естества, И, как пчелы в улье опустелом, Дурно пахнут мертвые слова.

Душа и тело

И

Над городом плывет ночная тишь, И каждый шорох делается глуше, А ты, душа, ты все-таки молчишь, Помилуй, боже, мраморные души.

И отвечала мне душа моя, Как будто арфы дальние пропели: Зачем открыла я для бытия

Глаза в презренном челевечьем теле.

Безумная, я бросила мой дом, К иному устремясь великолепью, И шар земной мне сделался ядром, К какому каторжник прикован цепью.

Ах, я возненавидела любовь, Болезнь, которой все у вас подвластны, Которая туманит вновь и вновь

Мир, мне чужой, но стройный и прекрасный.

И если что еще меня роднит

С былым, мерцающим в планетном хоре, То это горе, мой надежный щит, Холодное презрительное горе.

II

Закат из золотого стал, как медь, Покрылись облака зеленой ржою, И телу я сказал тогда: Ответь

На все, провозглашенное душою.

И тело мне ответило мое, Простое тело, но с горячей кровью: Не знаю я, что значит бытие, Хотя и знаю, что зовут любовью.

Люблю в соленой плескаться волне, Прислушиваться к крикам ястребиным, Люблю на необъезженном коне

Нестись по лугу, пахнущему тмином.

И женщину люблю... когда глаза

Ее потупленные я целую, Я пьяно, будто близится гроза, Иль будто пью я воду ключевую.

Но я за все, что взяло и хочу, За все печали, радости и бредни, Как подобает мужу, заплачу

Непоправимой гибелью последней.

III

Когда же слово бога с высоты

Большой Медведицею заблестело, С вопросом – кто же, вопрошатель, ты? — Душа предстала предо мной и тело.

На них я взоры медленно вознес

И милостиво дерзостным ответил: – Скажите мне, ужель разумен пес, Который воет, если месяц светел?

Ужели вам допрашивать меня, Меня, кому единое мгновенье

Весь срок от первого земного дня

До огненного светопреставленья?

Меня, кто, словно древо Игдразиль, Пророс главою семью семь вселенных

И для очей которого, как пыль, Поля земные и поля блаженных?

Я тот, кто спит, и кроет глубина

Его невыразимое прозвание: А вы, вы только слабый отсвет сна, Бегущего на дне его сознания!

Канцона первая

Закричал громогласно

В сине-черную сонь

На дворе моем красный

И пернатый огонь.

Ветер милый и вольный,

Прилетевший с луны,

Хлещет дерзко и больно

По щекам тишины.

И, вступая на кручи,

Молодая заря

Кормит жадные тучи

Ячменем янтаря.

В этот час я родился,

В этот час и умру,

И зато мне не снился

Путь, ведущий к добру.

И уста мои рады

Целовать лишь одну,

Ту, с которой не надо

Улетать в вышину.

Канцона вторая

И совсем не в мире мы, а где-то

На задворках мира среди теней, Сонно перелистывает лето

Синие страницы ясных дней.

Маятник старательный и грубый, Времени непризнанный жених, Заговорщицам-секундам рубит

Головы хорошенькие их.

Так пыльна здесь каждая дорога, Каждый куст так хочет быть сухим, Что не приведет единорога

Под уздцы к нам белый серафим.

И в твоей лишь сокровенной грусти, Милая, есть огненный дурман, Что в проклятом этом захолустьи, Точно ветер из далеких стран.

Там, где все сверканье, все движенье, Пенье все, – мы там с тобой живем, Здесь же только наше отраженье

Полонил гниющий водоем.

Подражанье персидскому

Из-за слов твоих, как соловьи, Из-за слов твоих, как жемчуга, Звери дикие – слова мои, Шерсть на них, клыки у них, рога.

Я ведь безумным стал, красавица.

Ради щек твоих, ширазских роз, Краску щек моих утратил я, Ради золотых твоих волос

Золото мое рассыпал я.

Нагим и голым стал, красавица.

Для того, чтоб посмотреть хоть раз, Бирюза – твой взор или берилл, Семь ночей не закрывал я глаз, От дверей твоих не отходил.

С глазами полными крови стал, красавица.

Оттого, что дома ты всегда, Я не выхожу из кабака,

Оттого, что честью ты горда, Тянется к ножу моя рука.

Площадным негодяем стал, красавица.

Если солнце есть и вечен бог, То перешагнешь ты мой порог.

Персидская миниатюра

Когда я кончу наконец

Игру в cache-cache со смертью хмурой, То сделает меня творец

Персидскою миниатюрой.

И небо, точно бирюза,

И принц, поднявший еле-еле

Миңдалевидные глаза

На взлет девических качелей.

С копьем окровавленным шах, Стремящийся тропой неверной

На киноварных высотах

За улетающею серной.

И ни во сне, ни наяву

Не виданные туберозы,

И сладким вечером в траву

Уже наклоненные лозы.

А на обратной стороне,

Как облака Тибета, чистой, Носить отрадно будет мне

Значок великого артиста.

Благоухающий старик,

Негоциант или придворный, Взглянув, меня полюбит вмиг

Любовью острой и упорной.

Его однообразных дней

Звездой я буду путеводной, Вино, любовниц и друзей

Я замену поочередно.

И вот когда я уголю

Без упоенья, без страданья

Старинную мечту мою —

Будить повсюду обожанье.

Шестое чувство

Прекрасно в нас влюбленное вино

И добрый хлеб, что в печь для нас садится, И женщина, которою дано, Сперва измучившись, нам насладиться.

Но что нам делать с розовой зарей

Над холодеющими небесами, Где тишина и неземной покой, Что делать нам с бессмертными стихами?

Ни съесть, ни выпить, ни поцеловать —Мгновение бежит неудержимо, И мы ломаем руки, но опять

Осуждены идти все мимо, мимо.

Как мальчик, игры позабыв свои, Следит порой за девичьим купаньем, И ничего не зная о любви, Все ж мучится таинственным желаньем,

Как некогда в разросшихся хвощах

Ревела от сознания бессилья

Тварь скользкая, почуя на плечах

Еще не появившиеся крылья, Так век за веком – скоро ли, господь? —Под скальпелем природы и искусства

Кричит наш дух, изнемогает плоть, Рождая орган для шестого чувства.

Слоненок

Моя любовь к тебе сейчас – слоненок, Родившийся в Берлине, иль Париже, И топающий ватными ступнями

По комнатам хозяина зверинца.

Не предлагай ему французских булок, Не предлагай ему кочней капустных, Он может съесть лишь дольку мандарина, Кусочек сахару или конфету.

Не плачь, о нежная, что в тесной клетке

Он сделается посмеяньем черни, Чтоб в нос ему пускали дым сигары

Приказчики под хохот мидинеток.

Не думай, милая, что день настанет, Когда, взбесившись, разорвет он цепи

И побежит по улицам, и будет, Как автобус, давить людей вопящих.

Нет, пусть тебе приснится он под утро

В парче и меди, в страусовых перьях, Как тот, великолепный, что когда-то

Нес к трепетному Риму Ганнибала.

Ольга

Эльга, Эльга! – звучало над полями, Где ломали друг другу крестцы

С голубыми, свирепыми глазами

И жилистыми руками молодцы.

Ольга, Ольга! – вопили древляне

С волосами желтыми, как мед, Выцарапывая в раскаленной бане

Окровавленными ногтями ход.

И за дальними морями чужими

Не уставала звенеть,

То же звонкое вызванивая имя, Варяжская сталь в византийскую медь.

Все забыл я, что помнил ране, Христианские имена,

И твое лишь имя, Ольга, для моей гортани

Слаще самого старого вина.

Год за годом все неизбежней

Запевают в крови века,

Опьянен я тяжестью прежней

Скандинавского костяка.

Древних ратей воин отсталый, К этой жизни затая вражду, Сумасшедших сводов Валгаллы, Славных битв и пиров я жду.

Вижу череп с брагой хмельною, Бычьи розовые хребты,

И валькирией надо мною, Ольга, Ольга, кружишь ты.

Леопард

Если убитому леопарду не опалить

немедленно усов, дух его будет преследовать

охотника.

Абиссинское поверье

Колдовством и ворожбою

В тишине глухих ночей

Леопард, убитый мною,

Занят в комнате моей.

Люди входят и уходят,

Позже всех уходит та,

Для которой в жилах бродит

Золотая темнота.

Поздно. Мыши засвистели, Глухо крякнул домовой,

И мурлычит у постели

Леопард, убитый мной.

– По ущельям Добробрана

Сизый плавает туман,

Солнце красное, как рана, Озарило Добробран.

– Запах меда и вервены

Ветер гонит на восток,

И ревут, ревут гиены,

Зарывая нос в песок.

– Брат мой, враг мой, ревы слышишь, Запах чуешь, видишь дым?

Для чего ж тогда ты дышишь

Этим воздухом сырым?

– Нет, ты должен, мой убийца, Умереть в стране моей,

Чтоб я снова мог родиться

В леопардовой семье.

Неужели до рассвета

Мне ловить лукавый зов?

Ах, не слушал я совета, Не спалил ему усов.

Только поздно! Вражья сила

Одолела и близка:

Вот затылок мне сдавила, Точно медная рука...

Пальмы... с неба страшный пламень

Жжет песчаный водоем...

Данакиль припал за камень

С пламенеющим копьем.

Он не знает и не спросит, Чем душа моя горда,

Только душу эту бросит, Сам не ведая куда.

И не в силах я бороться, Я спокоен, я встаю,

У жирафьего колодца

Я окончу жизнь мою.

Молитва мастеров

Я помню древнюю молитву мастеров: Храни нас, господи, от тех учеников, Которые хотят, чтоб наш убогий гений

Кощунственно искал все новых откровений.

Нам может нравиться прямой и честный враг, Но эти каждый наш выслеживают шаг, Их радует, что мы в борении, покуда

Петр отрекается и предает Иуда.

Лишь небу ведомы пределы наших сил, Потомством взвесится, кто сколько утаил, Что создадим мы впредь, на это власть господня,

Но что мы создали, то с нами посегодня.

Всем оскорбителям мы говорим привет, Превозносителям мы отвечаем – нет!

Упреки льстивые и гул молвы хвалебный

Равно для творческой святости не потребны, Вам стыдно мастера дурманить белой, Как карфагенского слона перед войной.

Перстень

Уронила девушка перстень

В колодец, в колодец ночной, Простирает легкие персты

К холодной воде ключевой.

– Возврати мой перстень, колодец, В нем красный, цейлонский рубин, Что с ним будет делать народец

Тритонов и мокрых ундин? —В глубине вода потемнела, Послышался ропот и гам: – Теплою живого тела

Твой перстень понравился нам. — Мой жених изнемог от муки, И будет он в водную гладь

Погружать горячие руки, Горячие слезы ронять. —Над водой показались рожи

Тритонов и мокрых ундин: – С человеческой кровью схожий, Понравился нам твой рубин. — Мой жених, он живет с молитвой, С молитвой одной о любви, Попрошу, и стальной бритвой

Откроет он вены свои. — Перстень твой, наверно, целебный, Что ты молишь его с тоской, Выкупаешь такой волшебной

Ценой, любовью мужской. — Просто золото краше тела

И рубины красней, чем кровь, И донине я не умела

Понять, что такое любовь.

Дева-птица

Пастух веселый

Поутру рано

Выгнал коров в тенистые доли

Броселианы.

Паслись коровы,

И песню своих веселий

На тростниковой

Играл он свирели.

И вдруг за ветвями

Послышался голос, как будто не птичий, Он видит птицу, как пламя, С головкой милой, девичьей.

Прерывно пенье,

Так плачет во сне младенец, В черных глазах томленье, Как у восточных пленниц.

Пастух дивится

И смотрит зорко:

– Такая красивая птица, А стонет так горько.

Ее ответу

Он внемлет, смущенный:

– Мне подобных нету

На земле зеленой.

– Хоть мальчик-птица,

Исполненный дивных желаний, И должен родиться

В Броселиане,

Но злая

Судьба нам не даст наслажденья, Подумай, пастух, должна я

Умереть до его рожденья.

– И вот мне не любы

Ни солнце, ни месяц высокий, Никому не нужны мои губы

И бледные щеки.

– Но всего мне жальче,

Хоть и всего дороже,

Что птица-мальчик

Будет печальным тоже.

– Он станет порхать по лугу, Садиться на вязы эти

И звать подругу,

Которой уж нет на свете.

– Пастух, ты, наверно, грубый, Ну, что ж, я терпеть умею, Подойди, поцелуй мои губы

И хрупкую шею.

– Ты юн, захочешь жениться, У тебя будут дети,

И память о деве-птице

Долетит до иных столетий. —Пастух вдыхает запах

Кожи, солнцем нагретой, Слышит, на птичьих лапах

Звенят золотые браслеты.

Вот уже он в испуге, Что делает, сам не знает, Загорелые его колени

Красные перья попирают.

Только раз застонала птица, Раз один застонала,

И в груди ее сердце биться

Вдруг перестало.

Она не воскреснет,

Глаза помутнели,

И грустные песни

Над нею играет пастух на свирели.

С вечерней прохладой

Встают седые туманы,

И гонит он к дому стадо

Из Броселианы.

Индюк

На утре памяти неверной

Я вспоминаю пестрый луг, Где царствовал высокомерный

Мной обожаемый индюк.

Была в нем злоба и свобода, Был клюв его, как пламя, ал, И за мои четыре года

Меня он остро презирал.

Ни шоколад, ни карамели, Ни ананасная вода

Меня утешить не умели

В сознании моего стыда.

И вновь пришла беда большая, И стыд, и горе детских лет: Ты, обожаемая, злая —Мне гордо отвечаешь: «Нет!»

Но все проходит в жизни зыбкой —Пройдет любовь, пройдет тоска, И вспомню я тебя с улыбкой, Как вспоминаю индюка.

«Нет, ничего не изменилось...»

Нет, ничего не изменилось

В природе бедной и простой, Все только дивно озарилось

Невыразимой красотой.

Такой и явится наверно

Людская немощная плоть, Когда ее из тьмы безмерной

В час судный воззовет господь.

Знай, друг мой гордый, друг мой нежный, С тобою, лишь с тобой одной, Рыжеволосой, белоснежной, Я стал на миг самим собой.

Ты улыбнулась, дорогая, И ты не поняла сама,

Как ты сияешь, и какая

Вокруг тебя сгустилась тьма.

Приглашение в путешествие

Уедем, бросим край докучный

И каменные города,

Где вам и холодно, и скучно, И даже страшно иногда.

Нежней цветы и звезды ярче

В стране, где светит Южный Крест, В стране, богатой, словно ларчик

Для очарованных невест.

Мы дом построим выше ели, Мы камнем выложим углы

И красным деревом панели, А полисандровым – полы.

И средь разбросанных тропинок

В огромном розовом саду

Мерцанье будет пестрых спинок

Жуков, похожих на звезду.

Уедем! Разве вам не надо

В тот час, как солнце поднялось, Услышать страшные баллады, Рассказы абиссинских роз: О древних сказочных царицах, О львах в короне из цветов, О черных ангелах, о птицах, Что гнезда вьют средь облаков.

Найдем мы старого араба, Читающего нараспев

Стих про Рустема и Зораба

Или про занзибарских дев.

Когда же нам наскучат сказки, Двенадцать стройных негритят

Закружатся пред нами в пляске

И отдохнуть не захотят.

И будут приезжать к нам в гости, Когда весной пойдут дожди, В урожаях из слоновой кости

Великолепные вожди.

В горах, где весело, где ветры

Кричат, рубить я стану лес, Смолою пахнущие кедры,

Платан, встающий до небес.

Я буду изменять движенье

Рек, льющихся по крутизне, Указывая им служенье,

Угодное отныне мне.

А вы – вы будете с цветами, И я вам подарю газель

С такими нежными глазами, Что, кажется, поет свирель, Иль птицу райскую, что краше

И огненных зарниц, и роз, Порхать над темно-русой вашей

Чудесной шапочкой волос.

Когда же смерть, грустя немного, Скользя по роковой меже, Войдет и станет у порога, —Мы скажем смерти: «Как, уже?»

И, не тоскуя, не мечтая, Пойдем в высокий божий рай, С улыбкой ясной узнавая

Повсюду нам знакомый край.

«Когда, изнемогши от муки...»

Когда, изнемогши от муки, Я больше ее не люблю,

Какие-то бледные руки

Ложатся на душу мою.

И чьи-то печальные очи

Зовут меня тихо назад,

Во мраке остынувшей ночи

Нездешней мольбою горят.

И снова, рыдая от муки, Проклявши свое бытие,

Целую я бледные руки

И тихие очи ее.

«Я сам над собой насмеялся...»

Я сам над собой насмеялся

И сам я себя обманул,

Когда мог подумать, что в мире

Есть что-нибудь, кроме тебя.

Лишь белая, в белой одежде, Как в пеплуме древних богинь, Ты держишь хрустальную сферу

В прозрачных и тонких перстах.

А все океаны, все горы, Архангелы, люди, цветы —Они в хрустале отразились

Прозрачных девических глаз.

Как странно подумать, что в мире

Есть что-нибудь, кроме тебя, Что сам я не только ночная

Бессонная песнь о тебе.

Но свет у тебя за плечами, Такой ослепительный свет, Там длинные пламени реют, Как два золоченых крыла.

«С тобой мы связаны одною цепью...»

С тобой мы связаны одною цепью, Но я доволен и пою,

Я небывалому великолепию

Живую душу отдаю.

А ты поглядываешь исподлобья

На солнце, на меня, на всех, Для девичьего твоего незлобья

Вселенная – пустой орех.

И все-то споришь ты, и взоры строги, И неудачней с каждым днем

Замысловатые твои предлоги, Чтобы не быть со мной вдвоем.

«Ветла чернела. На вершине...»

Ветла чернела. На вершине

Грачи топорщились слегка, В долине неба синей-синей

Паслись, как овцы, облака.

И ты с покорностью во взоре

Сказала: «Влюблена я в вас», —Кругом трава была, как море, Послеполуденный был час.

Я целовал пыланья лета, Тень трав на розовых щеках, Благоуханный праздник света

На бронзовых твоих кудрях.

И ты казалась мне желанной, Как небывалая страна,

Какой-то край обетованный

Восторгов, песен и вина.

Акростих

Аддис-Абеба, город роз, На берегу ручьев прозрачных, Небесный див тебя принес, Алмазной, средь ущелий мрачных.

Армидин сад... Там пилигрим

Хранит обет любви неясной, Мы все склоняемся пред ним, А розы душины, розы красны.

Там смотрит в душу чей-то взор, Отравы полный и обманов, В садах высоких сикомор, Аллеях сумрачных платанов.

Акростих

Ангел лег у края небосклона, Наклонившись, удивлялся безднам: Новый мир был синим и беззвездным, Ад молчал, не слышалось ни стона.

Алой крови робкое биенье, Хрупких рук испуг и содроганье, Миру снов досталось в обладанье

Ангела святое отраженье.

Тесно в мире, пусть живет, мечтая

О любви, о свете и о тени, В ужасе предвечном открывая

Азбуку своих же откровений.

Поэма начала

Книга первая

Дракон

Песнь первая

Из-за свежих волн океана

Красный бык приподнял рога, И бежали лани тумана

Под скалистые берега.

Под скалистыми берегами

В многошумной сырой тени

Серебристыми жемчугами

Оседали на мох они.

Красный бык изменяет лица: Вот широко крылья простер, И парит огромная птица, Пожирающая простор.

Вот к дверям голубой кумирни, Ключ держа от тайн и чудес, Он восходит, стрелок и лирник, По открытой тропе небес.

Ветры, дуйте, чтоб волны пели, Чтоб в лесах гудели стволы, Войте, ветры, в трубы ущелий, Возглашая ему хвалы.

Освежив горячее тело

Благовонной ночью тьмой, Вновь берется земля за дело, Непонятное ей самой.

Наливает зеленым соком

Детски-нежные стебли трав

И багряным, дивно-высоким, Благородное сердце льва.

И, всегда желая иного,

На голодный жаркий песок

Проливает снова и снова

И зеленый, и красный сок.

С сотворенья мира стократы, Умирая, менялся прах,

Этот камень рычал когда-то, Этот плющ парил в облаках.

Убивая и воскрешая,

Набухать вселенской душой, В этом воля земли святая, Непонятная ей самой.

Океан косматый и сонный, Отыскав надежный упор,

Тупо терся губой зеленой

О подножие Лунных гор.

И над ним стеною отвесной

Разбежалась и замерла,

Упираясь в купол небесный, Аметистовая скала.

До глубин ночами и днями

Аметист светился и цвел

Многоцветными огоньками, Точно роем веселых пчел.

Потому что свивал там кольца, Вековой досыпая сон,

Старше вод и светлее солнца, Золоточешуйный дракон.

И подобной чащи священной

Для вина первозданных сил

Не носило тело Вселенной, И творец в мечтах не носил.

Пробудился дракон и поднял

Янтари грозových зрачков, Первый раз он взглянул сегодня

После сна десяти веков.

И ему не казалось светлым

Солнце, юное для людей, Был как будто засыпан пеплом

Жар пылавших в море огней.

Но иная радость глубоко

В сердце зрела, как сладкий плод.

Он почуял веянье рока,

Милой смерти неслышный лёт.

Говор моря и ветер южный

Заводили песню одну:

– Ты простишься с землей ненужной

И уйдешь домой, в тишину.

О твое усталое тело

Притупила жизнь острие, Губы смерти нежны, и бело

Молодое лицо ее.

А с востока из мглы белесой, Где в лесу змеилась тропа, Превышая вершину леса
Ярко-красной повязкой лба, Пальм стройней и крепче платанов, Неуклонней разлива рек, В одеяньях серебротканых
Шел неведомый человек.
Шел один, спокойно и строго
Опуская глаза, как тот, Кто давно знакомой дорогой
Много дней и ночей идет.
И казалось, земля бежала
Под его стопы, как вода, Смоляною доской лежала
На груди его борода.
Точно высечен из гранита, Лик был светел, но взгляд тяжел, Жрец Лемурии, Морадита, К золотому дракону шел.

Было страшно, точно без брони

Встретить меч, разящий в упор, Увидать нежданно драконий

И холодный, и скользкий взор.

Помнил жрец, что десять столетий

Каждый бывший здесь человек

Видал лишь багровые сети

Крокодильих сомкнутых век.

Но молчал он и черной пикой

(У мудрейших водилось так) На песке пред своим владыкой

Начертал таинственный знак: Точно жезл, во прахе лежавший, Символ смертного естества, И отвесный, обозначающий

Нисхождение божества,

И короткий, меж них сокрытый, Точно связь этих двух миров...

Не хотел открыть Морадита

Зверю тайны чудесной слов.

И дракон прочел, наклоняя

Взоры к смертному в первый раз: – Есть, владыка, нить золотая, Что связует тебя и нас.

Много лет я провел во мраке, Постигая смысл бытия,

Видишь, знаю святыя знаки, Что хранит твоя чешуя.

– Отблеск их от солнца до меди

Изучил я ночью и днем,

Я следил, как во сне ты бредил, Переменным горя огнем.

– И я знаю, что заповедней

Этих сфер, и крестов, и чаш, Пробудившись в свой день последний, Нам ты знанье свое отдашь.

Зарожденье, преображенье

И ужасный конец миров

Ты за ревностное служенье

От своих не скроешь жрецов.

Засверкали в ответ чешуи

На взнесенной мостом спине, Как сверкают речные струи

При склоняющейся луне.

И, кусая губы сердито,

Подавляя потоки слов,

Стал читать на них Морадита

Сочетанье черт и крестов: – Разве в мире сильных не стало, Что тебе я знанье отдам?

Я вручу его кряжам горным, Стражам косного бытия,

Семизвездию, в небе черном

Изогнувшемуся, как я.

Или ветру, сыну удачи,

Что свою прославляет мать, Но не твари с кровью горячей, Не умеющую сверкать!

Только сухо хрустнула пика, Переломленная жрецом,
Только взоры сверкнули дико
Над гранитным его лицом
И устались непреклонно
В муть уже потухавших глаз
Умиряющего дракона,
Повелителя древних рас.
Человечья теснила сила
Нестерпимую ей судьбу,
Синей кровью большая жила
Налилась на открытом лбу, Приоткрылись губы, и вольно
Прокатился по берегам
Голос яркий, густой и полный, Как полуденный запах пальм.
Первый раз уста человека
Говорить осмелились днем, Раздалось в первый раз от века
Запрещенное слово: – Ом!

Солнце вспыхнуло красным жаром

И надтреснуло. Метеор

Оторвался и легким паром

От него рванулся в простор.

После многих тысячелетий

Где-нибудь за Млечным Путем

Он расскажет встречной комете

О таинственном слове Ом.

Океан взревел и, взметенный, Отступил горой серебра, —Так отходит зверь, обожженный

Головной людского костра.

Ветви лапчатые платанов, Распластавшись, легли в песок, Никакой напор ураганов

Так согнуть их досель не мог.

И звенело болью мгновенной, Тонким воздухом и огнем

Сотрясая тело Вселенной, Заповедное слово: — Ом.

Содрогнулся дракон и снова

Устремил на пришельца взор, Смерть боролась в нем силу слова, Незнакомую до сих пор.

Смерть, надежный его союзник, Наплывала издалека,

Как меха исполинской кузни, Раздувались его бока.

Когти лап в предсмертном томленьи

Бороздили поверхность скал, Но без голоса, без движенья

Нес он муку свою и ждал.

Белый холод последней боли

Плавал по сердцу, и вот-вот

От сжигающей сердце воли

Человеческой он уйдет.

Понял жрец, что страшна потеря

И что смерти не обмануть, Поднял правую лапу зверя

И себе положил на грудь.

Капли крови из свежей раны

Потекли, красны и теплы, Как ключи на заре багряной

Из глубин меловой скалы.

Дивной перевязью священной

Заалели ее струи

На мерцании драгоценной

Золотеющей чешуи.

Точно солнце в рассветном небе, Наливался жизнью дракон, Крылья рвались по ветру, гребень

Петушиный встал, обагрен.

И когда без слов, без движенья, Взором жрец его вновь спросил

О рожденье, преображенье

И конце первозданных сил, Переливы чешуи далече

Озарили уступы круч,

Точно голос нечеловечий, Превращенный из звука в луч.

«Из букета целого сирени...»

Из букета целого сирени

Мне досталась лишь одна сирень, И всю ночь я думал об Елене, А потом томился целый день.

Все казалось мне, что в белой пене

Исчезает милая земля,

Расцветают влажные сирени

За кормой большого корабля.

И за огненными небесами

Обо мне задумалась она, Девушка с газельими глазами

Моего любимейшего сна.

Сердце прыгало, как детский мячик, Я, как брату, верил кораблю, Оттого что мне нельзя иначе, Оттого что я ее люблю.

«Много есть людей, что, полюбив...»

Много есть людей, что, полюбив, Мудрые, дома себе возводят, Возле их благословенных нив

Дети резвые за стадом бродят.

А другим – жестокая любовь, Горькие ответы и вопросы.

С желчью смешана, кричит их кровь, Слух их жалят злобным звоном осы.

А иные любят, как поют, Как поют и дивно торжествуют, В сказочный скрываются приют.

А иные любят, как танцуют.

Как ты любишь, девушка, ответь?

По каким тоскуешь ты истомам, Неужель ты можешь не гореть

Тайным пламенем, тебе знакомым, Если ты могла явиться мне

Молнией слепительной господней, И отныне я горю в огне, Вставшем до небес из преисподней.

«Лишь черный бархат, на котором...»

Лишь черный бархат, на котором

Забыв сияющий алмаз,

Сумею я сравнить со взором

Ее почти поющих глаз.

Ее фарфоровое тело

Томит неясной белизной, Как лепесток сирени белой

Под умирающей луной.

Пусть руки нежно-восковые, Но кровь в них так же горяча, Как перед образом Марии

Неугасимая свеча.

И вся она легка, как птица

Осенней ясною порой,

Уже готовая проститься

С печальной северной страной.

«Пролетела золотая ночь...»

Пролетела золотая ночь

И на миг замедлила в пути, Мне, как другу, захотев помочь, Ваши письма думала найти.

Те, что вы не написали мне...

А потом присела на кровать

И сказала: «Знаешь, в тишине

Хорошо бывает помечтать!

Та, другая, вероятно, зла, Ей с тобой встречаться даже лень, Полюби меня, ведь я светла, Так светла, что не светлей и день.

Много расцветает черных роз

В потайных колодцах у меня.

Словно крылья пламенных стрекоз, Пляшут искры синего огня.

Тот же пламень и в глазах твоих

В миг, когда ты думаешь о ней, Для тебя сдержу я вороных

Неподатливых моих коней».

Ночь, молю, не мучь меня! Мой рок

Слишком и без этого тяжел, Неужели, если бы я мог, От нее давно б я не ушел?

Смертной скорбью я теперь скорблю, Но какой я дам тебе ответ, Прежде чем ей не скажу «люблю»

И она мне не ответит «нет».

«В этот мой благословенный вечер...»

В этот мой благословенный вечер

Собрались ко мне мои друзья

Все, которых я очеловечил, Выведа их из небытия.

Гондла разговаривал с Гафизом

О любви Гафиза и своей, И над ним склонялись по карнизам

Головы волков и лебедей.

Муза Дальних Странствий обнимала

Зою, как сестру свою теперь, И лизал им ноги небывалый, Золотой и шестикрылый зверь.

Мик с Луи подсели к капитанам, Чтоб послушать о морских делах, И перед любезным Дон Жуаном

Фанни сладкий чувствовала страх.

И по стенам начинались танцы, Двигались фигуры на холстах, Обезумели камбоджянцы

На конях и боевых слонах.

Заливались вышитые птицы, А дракон плясал уже без сил, Даже Будда начал шевелиться

И понюхать розу попросил.

И светились звезды золотые, Приглашенные на торжество, Словно апельсины восковые, Те, что подают на рождество.

«Тише, крики, смолкните, напевы! —Я вскричал, — и будем все грустны, Потому что с нами нету девы, Для которой все мы рождены».

И пошли мы, пара вслед за парой, Словно фантастический эстамп, Через переулки и бульвары

К тупику близ улицы Декамп.

Неужели мы вам не приснились, Милая с таким печальным ртом, Мы, которые всю ночь толпились

Перед занавешенным окном.

«Еще не раз вы вспомните меня...»

Еще не раз вы вспомните меня

И весь мой мир, волнующий и странный, Нелепый мир из песен и огня, Но меж других единый необманный.

Он мог стать вашим тоже, и не стал, Его вам было мало или много, Должно быть, плохо я стихи писал

И вас несправедливо просил у бога.

Но каждый раз вы склонитесь без сил

И скажете: «Я вспоминать не смею, Ведь мир иной меня обворожил

Простой и грубой прелестью своею».

«Я говорил – ты хочешь, хочешь?..»

Я говорил – ты хочешь, хочешь?

Могу я быть тобой любим?

Ты счастье странное пророчишь

Гортанным голосом твоим.

А я плачу за счастье много, Мой дом – из звезд и песен дом, И будет сладкая тревога

Расти при имени твоём.

И скажут – что он? Только скрипка, Покорно плачущая, он.

Ее единая улыбка

Рождает этот дивный звон.

И скажут – то луна и море, Двойко отраженный свет.

И после – о, какое горе, Что женщины такой же нет!

Но, не ответив мне ни слова, Она задумчиво пошла,

Она не сделала мне злого, И жизнь по-прежнему светла.

Ко мне нисходят серафимы, Пою я полночи и дню,

Но вместо женщины любимой

Цветок засушенный храню.

«Ты не могла иль не хотела...»

Ты не могла иль не хотела

Мою почувствовать истому, Твое дурманящее тело

И сердце бережешь другому.

Зато, когда перед бедою

Я обессилю, стиснув зубы, Ты не придешь смочить водою

Мои запекшиеся губы.

В часы последнего усилья, Когда и ангелы заблещут, Твои сияющие крылья

Передо мной не затрепещут.

И в встречу радостной победе

Мое ликующее знамя

Ты не поднимешь в реве меди

Своими нежными руками.

И ты меня забудешь скоро, И я не стану думать, вольный, О милой девочке, с которой

Мне было нестерпимо больно.

«Ты пожалела, ты простила...»

Ты пожалела, ты простила, И даже руку подала мне, Когда в душе, где смерть бродила, И камня не было на камне.

Так победитель благородный

Предоставляет без сомненья

Тому, что был сейчас свободный, И жизнь, и даже часть имения.

Все, что бессонными ночами

Из тьмы души я вызвал к свету, Все, что даровано богами

Мне, воину, и мне, поэту, Все, пред твоей склоняясь властью, Все дам и ничего не скрою

За ослепительное счастье

Хоть иногда побыть с тобою.

Лишь песен не проси ты милых, Таких, как я слагал когда-то, Ты знаешь, я и петь не в силах

Скрипучим голосом кастрата.

Не накажи меня за эти

Слова, не ввергни снова в бездну, Когда-нибудь при лунном свете, Раб истомленный, я исчезну.

Я побегу в пустынном поле

Через канавы и заборы,

Забыв себя и ужас боли, И все условия, договоры.

И не узнаешь никогда ты, Чтоб в сердце не вошла тревога, В какой болотине проклятой

Моя окончилась дорога.

«Неизгладимы, нет, в моей судьбе...»

Неизгладимы, нет, в моей судьбе

Твой детский рот и смелый взор девический, Вот почему, мечтая о тебе, Я говорю и думаю ритмически.

Я чувствую огромные моря, Колеблемые лунным притяженьем, И сонмы звезд, что движутся, горя, От века предназначенным движеньем.

О, если б ты всегда была со мной, Улыбчиво-благая, настоящая, На звезды я бы мог ступить ногой

И солнце б целовал в уста горящие.

«На путях зеленых и земных...»

На путях зеленых и земных

Горько счастлив темной я судьбою.

А стихи? Ведь ты мне шепчешь их, Тайно наклоняясь надо мною.

Ты была безумием моим,

Или дивной мудростью моею, Так когда-то грозный серафим

Говорил тоскующему змею: «Тьмы тысячелетий протекут, И ты будешь биться в клетке тесной, Прежде чем настанет страшный суд, Сын придет и дух придет небесный.

Это выше нас, и лишь когда

Протекут назначенные сроки, Утренняя грешная звезда, Ты придешь к нам, брат печальноокий.

Нежный брат мой, вновь крылатый брат, Бывший то властителем, то нищим, За стенами рая новый сад, Лучший сад с тобою мы отыщем.

Там, где плещет сладкая вода, Вновь соединим мы наши руки, Утренняя, милая звезда, Мы не вспомним о былой разлуке».

«Я в лес бежал из городов...»

Я в лес бежал из городов, В пустыню от людей бежал.

Теперь молиться я готов, Рыдать, как прежде не рыдал.

Вот я один с самим собой.

Пора, пора мне отдохнуть.

Свет беспощадный, свет слепой

Мой выел мозг, мне выжег грудь.

Я грешник страшный, я злодей: Мне бог бороться силы дал, Любил я правду и людей, Но растоптал я идеал...

Я мог бороться, но, как раб, Позорно струсив, отступил

И, говоря: «Увы, я слаб», Свои стремленья задавил.

Я грешник страшный, я злодей.

Прости, господь, прости меня, Душе измученной моей

Прости, раскаянье ценя!..

Есть люди с пламенной душой, Есть люди с жаждою добра, Ты им вручи свой стяг святой, Их манит и влечет борьба.

Меня ж, господь, прости, прости.

Прошу я милости одной:

Больную душу отпусти

На незаслуженный покой.

«Из-за туч, кроваво-красна...»

Из-за туч, кроваво-красна, Светит полная луна,

И в волнах потока мутных

Отражается она.

И какие-то виденья

Все встанут передо мной, То над волнами потока,

То над пропастью глухой.

Ближе, ближе подлетают, Наконец, – о страшный вид! —Пред смущенными очами

Вереница их стоит.

И как вглядываюсь ближе, Боже, в них я узнаю

Свои прежние мечтанья,

Молодую жизнь свою.

И все прошлые желанья,

И избыток свежих сил,

Все, что с злобой беспощадной

В нас дух века загубил.

Все, что продал я, прельстившись

На богатство и почет,

Все теперь виденьем грозным

Предо мною предстает.

Полон грусти безотрадной, Я рыдаю, и в горах

Эхо громко раздается,

Пропадая в небесах.

Лето

Лето было слишком знойно, Солнце жгло с небесной кручи, —Тяжело и беспокойно,

Словно львы, бродили тучи.

В это лето пробегало

В мыслях, в воздухе, в природе

Золотое покрывало

Из гротесок и пародий:

Точно кто-то, нам знакомый, Уходил к пределам рая,

А за ним спешили гномы, И кружилась пыль седая.

И с тяжелою печалью

Наклонились к бессилью

Мы, обманутые далью

И захваченные пылью.

«Мне надо мучиться и мучить...»

Мне надо мучиться и мучить, Твердя безумное: люблю, О миг, страшися мне наскучить, Я царь твой, я тебя убью!

О миг, не будь бессильно плоским, Но опали, сожги меня

И будь великим отголоском

Веками ждущего огня.

«Солнце бросило для нас...»

Солнце бросило для нас

И для нашего мученья

В яркий час, закатный час, Драгоценные каменья.

Да, мы дети бытия,

Да, мы солнце не обманем.

Огнезарная змея

Проползла по нашим граням, Научивши нас любить,

Позабывать, что все мы пленны, Нам она соткала нить,

Нас связавшую с вселенной.

Льется ль песня тишины

Или бурно бьются струи, Жизнь и смерть – ведь это сны.

Это только поцелуи.

«Зачарованный викинг, я шел по земле...»

Зачарованный викинг, я шел по земле, Я в душе согласил жизнь потока и скал.

Я скрывался во мгле на моем корабле, Ничего не просил, ничего не желал.

В ярком солнечном свете – надменный

павлин,

В час ненастья – внезапно свирепый орел, Я в тревоге пучин встретил остров Ундин, Я летучее счастье, блуждая, нашел.

Да, я знал, оно жило и пело давно.

В дикой буре его сохранилась печать.

И смеялось оно, опускаясь на дно, Подымаясь к лазури, смеялось опять.

Изумрудным покрыло земные пути, Зажигало лиловым морскую волну.

Я не смел подойти и не мог отойти, И не в силах был словом порвать тишину.

«Я уйду, убегу от тоски...»

Я уйду, убегу от тоски, Я назад ни за что не взгляну, Но руками сжимая виски, Я лицом упаду в тишину.

И пойду в голубые сада

Между ласково-серых равнин, И отныне везде и всегда

Буду я так отрадно един.

Гибких трав вечеряющий шелк

И второе мое бытие.

Да, сюда не прокрадется волк, Там вцепившийся в горло мое.

Я пойду и присяду, устав, Под уютный задумчивый куст, И не двинется призрачность трав, Горизонт будет нежен и пуст.

Пронесутся века, не года, Но и здесь я печаль сохраню, И я буду бояться всегда

Возвращенья к жестокому дню.

Анна Комнена

Тревожный обломок старинных потемок, Дитя позабытых народом царей, С мерцанием взора на зыби Босфора

Следит беззаботный полет кораблей.

Прекрасны и грубы влекущие губы

И странно-красивый изогнутый нос, Но взоры унылы, как холод могилы, И страшен разбросанный сумрак волос.

У ног ее рыцарь надменный, как птица, Как серый орел пиренейских снегов, Он отдал сраженья за стон наслажденья, За женский, доступный для многих альков.

Напрасно гремели о нем менестрели, Его отличали в боях короли.

Он смотрит, безмолвный, как знойные волны, Дрожа, увлекают его корабли.

И долго он будет ласкать эти груди

И взором ловить ускользящий взгляд.

А утром, спокойный, красивый и стройный, Он выпьет коварно предложенный яд.

И снова в апреле заплачут свирели, Среди облаков закричат журавли, И в сад кипарисов от западных мысов

За сладким позором придут корабли.

И снова царица замрет, как блудница, Дразнящее тело свое обнажив.

Лишь будет печальней, дрожа в своей спальне, В душе ее мертвый останется жив.

Так сердце Комнены не знает измены, Но знает безумную жажду игры

И темные муки томительной скуки, Сковавшей забытые смертью миры.

«Вы пленены игрой цветов и линий...»

Вы пленены игрой цветов и линий, У вас в душе и радость, и тоска, Когда весной торжественной и синей

Так четко в небе стыннут облака.

И рады вы, когда ударом кисти

Вам удастся их сплести в одно, Еще светлей, нежней и золотистей

Перенести на ваше полотно.

И грустно вам, что мир неисчерпаем, Что до конца нельзя его пройти, Что из того, что было прежде раем, Теперь идут все новые пути.

Но рок творцов не требует участия, Им незнакома горечь слова – «таль», И если все слепительнее счастье, Пусть будет все томительней печаль.

О признаньях

Никому мечты не поверяйте, Ах, ее не скажешь, не сгубя!

Что вы знаете, то знайте

Для себя.

Даже, если он вас спросит, Тот, кем ваша мысль согрета, Скажет, жизнь его зависит

От ответа.

Промолчите! Пусть отравит

Он мечтанье навсегда,

Он зато вас не оставит

Никогда.

Ева или Лилит

Ты не знаешь сказанья о деве Лилит, С кем был счастлив в раю первозданном

Адам,

Но ты все ж из немногих, чье сердце болит

По душе окрыленной и вольным садам.

Ты об Еве слыхала, конечно, не раз, О праматири Еве, хранящей очаг, Но с какой-то тревогой... И этот рассказ

Для тебя был смешное безумье и мрак.

У Лилит – недоступных созвездий венец, В ее странах алмазные солнца цветут: А у Евы – и дети, и стадо овец, В огороде картофель, и в доме уют.

Ты еще не узнала себя самое.

Ева ты иль Лилит? О, когда он придет, Тот, кто робкое, жадное сердце твое

Без дорог унесет в зачарованный грот?!

Он умеет блуждать под уступами гор

И умеет спускаться на дно пропастей, Не цветок – его сердце, оно – метеор, И в душе его звездно от дум и страстей.

Если надо, он царство тебе покорит, Если надо, пойдет с воровскою сумой, Но всегда и повсюду – от Евы Лилит —Он тебя сохранит от тебя же самой.

Остров любви

Вы, что поплывете

К острову Любви,

Я для вас в заботе,

Вам стихи мои.

От Европы ль умной,

Джентльмена снов;

Африки ль безумной,

Страстной, но без слов; Иль от двух Америк,

Знавших в жизни толк;

Азии ль, где берег —

Золото и шелк;

Азии, иль дале

От лесов густых
Девственных Австралий,
Диких и простых;
Все вы в лад ударьте
Веслами струи,
Следуя по карте
К острову Любви.
Вот и челн ваш гений
К берегу прибил,
Где соображений
Встретите вы ил.
Вы, едва на сушу,
Книга встретит вас,
И расскажет душу
В триста первый раз.
Чтоб пройти болота
Скучной болтовни,
Вам нужна работа,
Нужны дни и дни.
Скромности пустыня.
— Место палачу! —
Все твердит богиня,
Как лягушка в тине:
«Нет» и «Не хочу».
Но стыдливость чащей
Успокоит вас,
Вам звучит все слаще:
«Милый, не сейчас!»
Озеро томлений —
Счастье и богам:
Все открыты тени
Взорам и губам.
Но на остров Неги,
Тот, что впереди,
Дерзкие набеги
Не производи!
Берегись истерик,
Серной кислоты,

Если у Америк

Не скитался ты.

Если ж знаешь цену

Ты любви своей —

Эросу в замену

Выйдет Гименей.

Четыре лошади

Не четыре! О, нет, не четыре!

Две и две, и «мгновенье лови», — Так всегда совершается в мире, В этом мире веселой любви.

Но не всем вечеровая чара

И любовью рождаемый стих!

Пусть скакала передняя пара, Говорила она о других.

О чужом... и, словами играя, Так ненужно была весела...

Тихо ехала пара вторая, Но наверно счастливей была.

Было поздно; ночные дриады

Танцевали средь дымных равнин, И терялись смущенные взгляды

В темноте неизвестных лощин.

Проезжали какие-то реки.

Впереди говорились слова, Сзади клялись быть верным навеки, Поцелуй доносился едва.

Только поздно, у самого дома

(Словно кто-то воскликнул: «Не жди!»), Захватила передних истома, Что весь вечер цвела позади.

Захотело сказать без смеха, Слово жизни святой и большой, Но сказалось, как слабое эхо, Повторенное чуткой душой.

И в чаду не страстей, а угара

Повторить его было невмочь.

Видно, выпила задняя пара

Все мечтанья любви в эту ночь.

Рисунок акварелью

Пальмы, три слона и два жирафа, Страус, носорог и леопард: Дальняя, загадочная Каффа, Я опять, опять твой гость и бард!

Пусть же та, что в голубой одежде, Строгая, уходит на закат!

Пусть не оборотится назад!

Светлый рай, ты будешь ждать, как прежде.

«Огромный мир открыт и манит...»

Огромный мир открыт и манит, Бьет конь копытом, я готов, Я знаю, сердце не устанет

Следить за бегом облаков.

Но вслед бежит воспоминанье, И странно выстраданный стих, И недопетое признанье

Последних радостей моих.

Рвись, конь, но помни, что печали

От века гнать не уставали

Свободных... гонят и досель, Тогда поможет нам едва ли

И звонкая моя свирель.

Флоренция

О сердце, ты неблагодарно!

Тебе – и розовый миндаль, И горы, вставшие над Арно, И запах трав, и в блеске даль.

Но, тайновидец дней минувших, Твой взор мучительно следит

Ряды в бездонном потонувших, Тебе завещанных обид.

Тебе нужны слова иные,

Иная, страшная пора.

...Вот грозно стала Синьория

И перед нею два костра.

Один, как шкура леопарда, Разнообразен, вечно нов.

Там гибнет «Леда» Леонардо

Средь благовоний и шелков.

Другой, зловещий и тяжелый, Как подобравшийся дракон, Шипит: «Вотще Савонаролой

Мой дом державный потрясен».

Они ликуют, эти звери,

А между них, потупя взгляд, Изгнанник бедный, Алигьери, Стопой неспешной сходит в ад.

Дездемона

Когда вступила в спальню Дездемона, Там было тихо, душно и темно, Лишь месяц любопытный к ней в окно

Заглядывал с чужого небосклона.

И страшный мавр со взорами дракона, Весь вечер пивший кипрское вино, К ней подошел, – он ждал ее давно, —Он не оценит девичьего стона.

Напрасно с безысходною тоской

Она ловила тонкою рукой

Его стальные руки – было поздно.

И, задыхаясь, думала она: «О, верно, в день, когда шумит война, Такой же он загадочный и грозный!»

Любовь

Она не однажды всплывала

В грязи городского канала, Где светят, длинны и тонки, Фонарные огоньки.

Ее видали и в роще,

Висящей на иве тощей,

На иве, еще Дездемоной

Оплаканной и прощенной.

В каком-нибудь старом доме, На липкой красной соломе

Ее находили люди

С насквозь простреленной грудью.

Но от этих ли превращений, Из-за рук, на которых кровь

(Бедной жизни, бедных смущений), Мы разлюбим ее, Любовь?

Я помню, я помню, носились тучи

По небу желтому, как новая медь, И ты мне сказала: «Да, было бы лучше, Было бы лучше мне умереть».

«Неправда, – сказал я, – и этот ветер, И все, что было, рассеется сном, Помолимся богу, чтоб прожить этот вечер, А завтра наутро мы все поймем».

И ты повторяла: «Боже, боже!..»

Шептала: «Скорее... одна лишь ночь...»

И вдруг задохнулась: «Нет, он не может, Нет, он не может уже помочь!»

«Священные плывут и тают ночи...»

Священные плывут и тают ночи, Пронесются эпические дни, И смерти я заглядываю в очи, В зеленые, болотные огни.

Она везде – и в зареве пожара, И в темноте, нежданна и близка, То на коне венгерского гусара, А то с ружьем тирольского стрелка.

Но прелесть ясная живет в сознание, Что хрупки так оковы бытия, Как будто женственно все мироздание, И управляю им всецело я.

Когда промчится вихрь, заплещут воды, Зальются птицы в таянье зари, То слышится в гармонии природы

Мне музыка Ирины Энери.

Весь день томясь от непонятной жажды

И облаков следя крылатый рой, Я думаю: Карсавина однажды, Как облако, плясала предо мной.

А ночью в небе древнем и высоком

Я вижу записи судеб моих

И ведаю, что обо мне, далеко, Звенит Ахматовой сиренный стих.

Так не умею думать я о смерти, И все мне грезятся, как бы во сне, Те женщины, которые бессмертье

Моей души доказывают мне.

Два сна

(Китайская поэма)

Весь двор усыпан был песком, Цветами редкостными вышит, За ним сиял высокий дом

Своей эмалевою крышей.

А за стеной из тростника

Работы тщательной и тонкой

Шумела желтая река,

И пели лодочки звонко.

Лайце ступила на песок, Обвороженная сияньем,

В лицо ей веял ветерок

Неведомым благоуханьем.

Как будто первый раз на свет

Она взглянула, веял ветер, —Хотя уж целых десять лет

Она жила на этом свете.

И благонравное дитя

Ступало тихо, как во храме, Совсем неслышно шелестя

Своими красными шелками.

Когда, как будто донесен

Из-под земли, раздался рокот, Старинный бронзовый дракон

Ворчал на каменных воротах: «Я пять столетий здесь стою, А простою еще и десять.

Судьбу тревожную мою

Как следует мне надо взвесить.

Одни и те же на крыльце

Китаечки и китайчонки,

Я помню бабушку Лайце,

Когда она была девчонкой.

Одной приснится страшный сон, Другая влюбится в поэта, А я, семейный их дракон, Я должен отвечать за это».

Его огромные усы

Торчали, тучу разрезая, Две голубые стрекозы

На них сидели, отдыхая.

Он смолк, заслыша тихий зов, Послушной девочки моления: «Из персиковых лепестков

Пусть нынче мне дадут варенья.

Пусть в куче брошенных камней

Я камень с дырочкой открою.

И пусть придет ко мне Тенвей

Играть до ужина со мною».

При посторонних не любил

Произносить дракон ни слова, А в это время подходил

К ним мальчуган большеголовый.

С Лайце играл он, их дворцы

Стояли средь одной долины, И были дружны их отцы,

Ученейшие мандарины.

«Бежим скорей, – кричал Тенвей, —За садом, в подземелье хмуром

Вчера посажен был злодей, За злобу прозванный манджуром.

Китай хотел он разорить, Но оказался между пленных, Я с ним хочу поговорить

О приключениях военных».

Дракон немедленно забыт, Лайце помчалась за Тенвеем

Туда, где жук в траве блестит, Павлины бродят по аллеям.

И в павильонах из стекла, Кругом обсаженных кустами, Собачек жирных для стола

Откармливают пирожками.

Пред ними старый водоем, А из него, как два алмаза, Сияют сумрачным огнем

Два кровью налитые глаза.

В огромной рыжей бороде

Шнурками пряди перевиты.

По пояс погружен в воде, Сидел разбойник знаменитый.

Он крикнул: «Горе, горе всем!

Не посадить меня им на кол, А эту девочку я съем,

Чтобы отец ее заплакал».

Тенвей, стоявший впереди, Высоко поднял меч картонный: «А если так, то выходи

Ко мне, грабитель потаенный.

Берись со мною грудь на грудь, Увидишь, как тебя я кину...»

И дверь он хочет отомкнуть, Задвижку хочет отодвинуть.

На отвратительном лице

Манджура радость засияла, Оцепенелая Лайце

Молчит, лишь миг, и все пропало.

Как вдруг испуганный Тенвей

Схватился за уши руками.

Кто дернул их. Его ушей

Не драть так больно даже маме.

А две большие полосы

Дрожали на песке газона, То тень отбросили усы

Летящего назад дракона.

А в этот самый миг за стол

Садятся оба мандарина.

И между них сидит посол

Из отдаленного Тонкина.

Из ста семидесяти блюд

Обед окончен, и беседу

Изящную друзья ведут,

Как добавление к обеду.

Слуга приводит к ним детей, Лайце с поклоном исчезает, А успокоенный Тенвей

Стихи старинные читает.

И гости посреди стола

Их такт отстукивают сами

Блестящими, как зеркала, Полуаршинными ногтями.

Тенвей окончил, и посол

Уж рот раскрыл, готов к вопросу, Как вдруг ударился о стол

Цветок, в его вплетенный косу.

С недоумением на лице

Он обернулся, и, краснея, Смеется перед ним Лайце, В руках вторая орхидея.

Отец молчит, смущен и зол, На шалость дочки чернокудрой, Но улыбается посол

Улыбкой кроткою и мудрой.

«Здесь, в мире горестей и бед, В наш век и войн и революций, Забавы детства – весь наш свет, Все благо, – так сказал Конфуций».

«После стольких лет...»

После стольких лет

Я пришел назад,

Но изгнанник я,

И за мной следят.

– Я ждала тебя

Столько долгих дней!

Для любви моей

Расстоянья нет.

– В стороне чужой

Жизнь прошла моя,

Как умчалась жизнь,

Не заметил я.

– Жизнь моя была

Сладостною мне,

Я ждала тебя,

Видела во сне.

Смерть в доме моем

И в доме твоём, —

Ничего, что смерть,

Если мы вдвоем.